

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАЙКЛ МАРШАЛЛ

КРОВЬ АНГЕЛОВ

Это блестяще написанная
и чертовски жуткая книга...

Стивен Кинг

Соломенные люди

Майкл Маршалл Смит

Кровь ангелов

«Азбука-Аттикус»

2005

Маршалл Смит М.

Кровь ангелов / М. Маршалл Смит — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Соломенные люди)

ISBN 978-5-389-16462-8

Уорд Хопкинс, бывший агент ЦРУ, вместе с сотрудниками полиции Лос-Анджелеса и агентами ФБР занимается расследованием серии убийств, всколыхнувших маленький городок Торнтон. И вновь след выводит его на «соломенных людей» и их главаря, Человека прямоходящего. День ангелов, который задумала устроить эта тайная группировка, должен стать репетицией будущего уничтожения всего цивилизованного мира. Роман Маршалла — абсолютно уникальное явление в мире современного детектива. Этот крупномасштабный триллер сразу же вывел писателя в ведущие мастера жанра.

ISBN 978-5-389-16462-8

© Маршалл Смит М., 2005

© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Часть первая	10
Глава 01	10
Глава 02	15
Глава 03	23
Глава 04	30
Глава 05	36
Глава 06	41
Глава 07	49
Глава 08	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Майкл Маршалл

Кровь ангелов

Ральфу Вичинанзе

Как быстро век все укроет, и сколько уже укрыл!
Марк Аврелий. Размышления, VI – 59 (Перевод А. Гаврилова)

Michael Marshall
BLOODOFANGELS
Copyright © 2005 by Michael Marshall Smith

Ки-Уэст

Они явились за ним туда, где он обычно работал.

Теплой предвечерней порой дела шли бойко, и Джим думал, что, пожалуй, еще час – и можно отправляться домой.

На пристани бесцельно толпились приезжие всех форм и размеров, напоминая косяк ярко раскрашенных рыбок.

Туристы самозабвенно жевали, поглощая все то, что могли предложить кафе и уличные торговцы Ки-Уэста: гамбургеры, буррито, мороженое, обсыпанные сахарной пудрой горячие пончики. Потягивали через соломинки кока-колу, холодный чай и содовую из таких емкостей, в которых вполне могли бы плавать маленькие дети.

Был четвертый час – ни поздний ланч, ни ранний ужин. Джим несколько не сомневался, что все эти люди уже поели в середине дня, а в семь снова усядутся за стол, набивая животы пастой, жареной рыбой, гамбургерами и запивая все это холодным шардоне. Пока же они просто бродили туда-сюда, словно гигантских размеров саранча или счастливые коровы на бескрайнем пастбище.

Их ненасытность потрясала. Если чуть пофантазировать, то можно было представить, будто все эти туши – лишь движущиеся вместители желудка и кишечника, увенчанные непрерывно работающими челюстями. И если источник пищи внезапно иссякнет, то после некоторой паузы головы с прожорливыми пастями начнут медленно поворачиваться, оценивая окружающих на предмет съедобности.

Подобные мысли не покидали Джима, несмотря на все его старания, пока он стоял, прильнув к ограде вдоль северной стороны Мэллори-сквер. Дальше улочка переходила в террасу, а затем в бульвар, который вел от гостиниц и ресторанов к морю.

Накануне вечером сюда причалили круизные лайнеры, многоэтажные громадины, превосходившие размерами отели, и извергли из своего нутра очередные стада владеющих кредитными карточками травоядных.

Со стороны мелководья дул легкий приятный ветерок. В правой руке Джим держал фотоаппарат, а в наплечной сумке лежали кассеты для поляроида и плоская коробка с картонными рамками для фотографий.

Джим Уэстлейк уже много лет занимался тем, что фотографировал туристов. Конечно, полагалось иметь лицензию, но ее отсутствие никогда не было для него проблемой. Он не приставал к сидевшим за столиками, не ходил с громкими криками взад-вперед и не выскакивал с завлекающей улыбкой прямо перед носом гуляющих. Он никогда не был коммивояжером и старался не доставлять никому лишних неприятностей.

В шестьдесят один год Джим по-прежнему оставался крепким широкоплечим мужчиной. Лишь слегка обрюзгшее лицо выдавало его возраст. Он носил голубые широкие брюки и белую рубашку с короткими рукавами, которые, если честно, терпеть не мог. Седые волосы зачесаны назад, на глазах – темные очки.

Обычно он проводил время в окрестностях Мэллори-сквер или прохаживался туда-сюда по Дюваль-стрит, а увидев того, кто казался ему подходящим объектом, просто предлагал сфотографироваться. Многие решительно качали головой, обеспокоенные перспективой непредвиденных расходов, а некоторые просто проходили мимо, даже не обратив на него внимания.

Лишь немногие останавливались, несколько секунд думали, а потом решали – в конце концов, мы же на отдыхе. К тому времени они уже успели побывать на экскурсии в доме Хемингуэя, постоять на южном мысу и прокатиться над рифами в лодке со стеклянным днищем. И вообще, они неплохо проводили время, а фотографы для того и существуют, чтобы можно было доказать другим и самим себе, что ты отлично отдохнул, немного загорел и хотя бы ненадолго смог забыть о повседневных заботах.

Конечно, скорее всего, у них на шее висел собственный фотоаппарат, может быть даже цифровой, и Джим понимал, что дни его профессии сочтены. Фотографии больше не были редкостью, и мгновенность их получения более не являлась чем-то необычным. Но супружеская пара, подойдя к нему, могла сфотографироваться вдвоем, не обращаясь к помощи посторонних, к тому же Джим умел вызывать улыбку у детей.

Фотография вкладывалась в памятную рамку с надписью «Привет из Ки-Уэста» – превосходный подарок для оставшихся дома матерей, достаточно личный и не требующий особых усилий. Туристы видели, что фотограф прилагает все старания – если ему не нравился первый снимок, он делал еще один, без дополнительной оплаты, изящно убирая неудачную фотографию в сумку, чтобы люди не видели себя в неприглядном свете.

Пятнадцать баксов – не слишком дешево, но Джим обнаружил, что при такой цене дела у него идут даже лучше, чем если бы он брал по пять. За пять баксов вас могли просто сфотографировать. За пятнадцать – это уже настоящий сувенир.

Подобное занятие не могло принести ему богатства, но Джим к нему и не стремился. Деньги его давно не интересовали. Дела шли хорошо, а больше ничего и не требовалось. Он верил, что, возможно, именно так и проведет остаток своих дней, неспешно уходящих в прошлое.

Когда он увидел двоих мужчин, которые шли по тротуару и ничего не жевали, то сразу понял: они направляются именно к нему.

Одному из них на вид было лет сорок, может быть на год-два меньше, второму – двадцать с небольшим. Оба выглядели стройными и подтянутыми. Младший был одет в черную футболку и армейские брюки защитного цвета, и весь его вид говорил о том, что он – сила, с которой следует считаться. На старшем были черный костюм и белая рубашка, и в них он чувствовал себя вполне уютно, несмотря на жару. Его явно ни в коей мере не заботило, что думают по этому поводу окружающие.

Младший подошел первым. Джим улыбнулся и поднял свой поляроид.

– Хотите сфотографироваться?

Живя в Ки-Уэсте, можно было встретить немало однополых пар.

Молодой человек, оказавшийся дюймов на пять ниже Джима, ничего не ответил, лишь окинул его взглядом с головы до ног, словно оценивая – хотя и неясно, с какой целью.

Наконец парень заговорил.

– Вы Джеймс Кайл?

В голосе его прозвучали странные нотки. Джим с сожалением покачал головой.

– Ошибся, сынок. Моя фамилия Уэстлейк. Извини.

Молодой человек кивнул, но не двинулся с места.

Джим прикинулся дурачком.

– Ты насчет лицензии? Я думал, в наше время это не столь уж и важно.

Он кивнул в сторону художников-портретистов, которые сгрудились в конце Дюваль-стрит, обещая всем сделать их похожими на Брэда Питта или Долли Партон.

– Множество людей просто садятся и работают, пытаясь воспользоваться своим шансом. Но, знаешь, если это действительно проблема, я с радостью...

Он сделал паузу, давая возможность ее заполнить. Но парень молчал, продолжая стоять с непонятым выражением на лице. Вдоль его правой скулы шел старый шрам примерно дюйма в полтора длиной. Где он мог его получить?

– Послушай, сынок... что тебе, собственно, нужно?

Молодой человек повернул голову.

– Не могу поверить, что это он.

Парень обращался к своему спутнику, неожиданно появившемуся рядом. Джима слегка беспокоило, что кто-то смог оказаться столь близко, оставшись незамеченным. Он вдруг почувствовал, что стареет.

– Это он, – сказал второй. – Ты помнишь меня, Джеймс?

Конечно, Джим его помнил. Это было давно, и тот успел постареть, но только внешне. Глаза остались такими же бесчувственными и ледяными. Человек выглядел так, словно покинул материнскую утробу уже с дурными намерениями. Джим надеялся никогда больше его не встретить и даже начал верить, что так оно и случится.

Это был Прозорливец.

– Помню. Что тебе нужно?

– У меня для тебя есть работа.

– Мне не нужна работа. У меня уже есть своя.

– Мы ведь договорились, Джеймс.

– Это было давно. Я делал то, что тебе требовалось, потом ты перестал меня об этом просить. Я решил, что все закончилось.

– Нет. Ты знал, что подобное может случиться.

– Что, если я просто решу забыть обо всем этом, повернусь и уйду?

– Тогда ты еще до вечера окажешься в тюрьме, если не будешь к тому времени уже мертв.

Джим посмотрел в сторону пристани. Над головой кружили морские птицы. Одна из лодок со стеклянным днищем медленно входила в гавань в пятидесяти ярдах отсюда, и в ее иллюминаторах отражались лучи солнца. Одни ждали посадки, другие – высадки. Многие ели мороженое. Все оставалось так же, как и прежде, но для него все изменилось. Ему вдруг стало очень холодно, несмотря на выступивший на затылке пот.

Снова повернувшись, он увидел, что молодой все так же смотрит на него холодными голубыми глазами, а уголки его рта слегка дергаются, словно он пытается подавить улыбку.

– Что вам от меня нужно? – устало спросил Джим.

Старший достал из кармана толстый конверт и протянул его Джиму.

– Ты должен быть на месте через три дня. Здесь точные инструкции.

Джим спрятал конверт в сумку.

– Почему я?

– Потому что ты перед нами в долгу и потому что я верю – ты это сделаешь. Не беспокойся. Тебе понравится.

– Я больше не занимаюсь подобными делами.

Прозорливец взглянул на него как на идиота. Он выполнил свою задачу и теперь готов был перейти к следующей, в чем бы та ни заключалась. Молодой парень продолжал смотреть на Джима, едва сдерживая усмешку.

Прежде чем кто-то успел понять, что происходит, левая ладонь Джима плотно легла на поясницу парня. Резким отрывистым движением, которое вряд ли мог заметить кто-либо из прохожих, он вогнал правый кулак в живот парня, словно приведенный в движение взрывным зарядом поршень. Эффект был подобен удару кирпича по почкам, и выражение лица парня стоило того, чтобы его увидеть.

– Ну что, как дышится, щенок? – наклонившись, прошептал ему на ухо Джим. – Если ты действительно такой крутой, как думаешь, вряд ли тебе сейчас так уж тяжело.

Он похлопал парня по плечу и не спеша отошел назад, с нескрываемым удовольствием глядя на побелевшее лицо и натянувшиеся, словно канаты, жилы на шее. Парень в конце концов сумел издать звук, словно умирающий, пытающийся сделать еще один, последний, вдох.

Джим повернулся ко второму, который невозмутимо стоял рядом, почти не проявляя интереса к происходящему.

– Я все сделаю. И закончим на этом, – сказал ему Джим, повернулся и пошел прочь.

Он жил в сорока минутах ходьбы на север, на поросшем кустарником небольшом острове, который никто не замечал по дороге в Ки-Уэст или из него. Дом был маленький и без бассейна, даже вид из него открывался не самый лучший, хотя, если сидеть в тщательно выбранном месте на крыльце, в определенное время года сквозь деревья можно было увидеть океан.

Джим сидел в кресле, стоявшем именно на таком месте, потягивая из стакана холодный чай со свежими листьями мяты и не видя вообще ничего.

Вернулась домой его соседка Кэрол со своими двумя детьми, помахав ему с расстояния в сорок футов, разделявших их дворы. Он не ответил, что ее удивило: мистер Уэстлейк был человеком замкнутым, но безукоризненно вежливым, и у него всегда находилась улыбка для ее маленьких ангелочков. Их прелестная фотография, которую он сделал, стояла возле ее кровати.

Кэрол заметила конверт в руках соседа и подумала, что он получил какие-то дурные новости. Она решила заглянуть к нему попозже, под тем или иным предлогом. Но тут Эми и Бритни о чем-то заспорили, и ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы загнать их в дом, где находился не знающий усталости телевизор, позволявший ей слегка отдохнуть от детей и выпить бокал вина.

Дверь громко щелкнула, закрываясь за вошедшим в дом семейством, и Джим снова вернулся к своим мыслям. Он посмотрел на конверт, но не стал еще раз извлекать его содержимое. Внутри находились мобильный телефон, клочок бумаги с названием города и две строчки инструкций.

Мысленно он уже отправился в путь, хотя и надеялся, что делать ему этого не придется. Он ненавидел явившегося к нему человека за то, что тот знал: он не станет рисковать, просто выбросив конверт. Если кто-то знает тебя лучше, чем ты сам, что тебе остается? Он посмотрел сквозь просвет среди деревьев на океан, но не увидел ничего, что могло бы ему помочь. Неужели он действительно верил, что все закончилось, что прошедшее десятилетие каким-то образом перечеркнуло все случившееся в прошлом? Если и в самом деле так – то он, судя по всему, последний глупец.

Допив чай, он вошел в дом, сполоснул стакан и оставил его сохнуть возле раковины. У него имелся ровно один стакан, один набор столовых приборов, одна миска для супа и одна тарелка. Ни разу не бывало, чтобы ему этого не хватило. Дом был обставлен мебелью ровно настолько, чтобы случайный визитер не счел обстановку чересчур спартанской. Когда он впервые приехал в Ки-Уэст, подобное было вполне оправданно на случай, если ему придется срочно срываться с места. За прошедшие восемь лет, в течение которых он несколько успокоился и его жизнь обрела равновесие, он понял, что жить так ему нравится.

Зачем иметь что-то в двух экземплярах, когда вполне достаточно одного?

Зачем иметь даже один, если он тебе вообще не нужен?

Он поднялся по лестнице в спальню, где уже стоял небольшой чемодан. Одежда и фотоаппарат лежали на своих местах, но остальное пустое пространство еще предстояло заполнить. Он подошел к пустому шкафу и присел перед ним на корточки. Хотя колени и давали о себе знать, они вполне справлялись со своей задачей. Как успел убедиться щенок в армейских штанах, тело Джима не собиралось легко сдаваться в схватке со временем.

Приподняв коврик возле шкафа, он снял свободно лежавшую половицу. Не самое оригинальное место для тайника, но если бы существовала хоть малейшая вероятность, что к нему могут прийти с обыском, там не лежало бы ничего. Достав из-под пола обувную коробку, он вернул половицу и коврик на место.

Уложив коробку на свободное место в чемодане, он закрыл крышку, запер чемодан на ключ, а затем, не оглядываясь, вышел из комнаты. Он не хотел, чтобы эту комнату видел Джеймс Кайл. Она принадлежала Джиму Уэстлейку.

Внизу он убедился, что все окна закрыты, а задняя дверь заперта, и вышел из дома. Подошел к своему чисто вымытому белому автомобилю и положил чемодан в багажник.

Несколько мгновений он неподвижно сидел за рулем, глядя на дом. Возможно, он мог оставить там Джима, чтобы тот ждал его, незримо оставаясь внутри. Возможно, он мог сделать то, что собирался сделать, будучи Джеймсом, а потом вернуться и жить как прежде. Быть может, то, что случилось днем, случилось лишь потому, что у него оставалась одна вещь, ответственность Джеймса, от которой ему следовало избавиться уже давно. Маленькая потерянная металлическая кастрюлька. Ничего особенного, но...

Если хочешь быть никем, ты не должен ничего иметь. Он это знал. Знал уже очень давно. И тем не менее... он ее сохранил. Просто не смог выбросить.

Вот почему Джим стал таким хорошим фотографом.

Он понимал, какое значение имеет память о прошлом.

Наконец он завел двигатель и, отъезжая от тротуара, увидел соседку, стоявшую возле окна кухни. Джим помахал ей рукой, как обычно.

Кэрол улыбнулась и помахала в ответ, радуясь тому, что старик снова в форме, и не понимая, что видит перед собой не Джима Уэстлейку, а совершенно незнакомого человека по имени Джеймс Кайл, который ехал в прошлое, направляясь из этого мира в сторону преисподней.

Часть первая

Никто

Между теми, кто уже умер, и теми, кто еще не родился, мы, живущие, – лишь связующее звено.

Ричард Пог Харрисон. Царство мертвых

Глава 01

Меня зовут Уорд Хопкинс, и за последний год в моей жизни случилось немало событий, которые проносятся перед моим внутренним взором с бешеной скоростью, словно беспорядочно летящая стая птиц. Если бы я в свое время поступил иначе, все могло бы быть по-другому. Лучше или хуже – не знаю. Я предпочитаю верить в свободу воли, но одновременно мне представляется, что набор путей, по которым мы движемся, ограничен и мы перемещаемся по предначертанным невидимыми силами траекториям среди бесконечного хаоса. Все мы куда-то бежим, все мы от чего-то прячемся, лежим без сна по ночам, ощущая волнение и беспокойство, чувствуя себя маленькими и незащищенными в тени нашей собственной жизни.

Время – словно озеро, которое становится все глубже год от года, капля за каплей. Поверхностное натяжение, в сочетании с нашей постоянной беспорядочной деятельностью, поддерживает нас на плаву, словно водяных жуков, не осознающих зияющей под ними бездны. Мы чувствуем себя в безопасности, пока не перестанем двигаться и не начнем погружаться в прошлое. Лишь тогда мы начинаем понимать, насколько важны для нас были прошедшие дни, каким образом они поддерживали нас в каждое мгновение настоящего и скольких людей мы оставили позади, застывших во времени, подобно насекомым в янтаре. А пока что нам кажется, будто имеет значение, каким именно путем мы перемещаемся по поверхности. Мы движемся по сложным траекториям, наблюдаем за теми, кто рядом, редко поднимая взгляд выше горизонта или наклоняясь, чтобы внимательнее разглядеть путь. Но нависающие над озером деревья иногда роняют листья, вызывая рябь на воде, которую мы ощущаем, но не можем понять. Порой также идет дождь из будущего, и иногда весьма сильный.

Время действительно проходит. Но однажды что-то зашевелится глубоко под поверхностью озера, нечто, давно исчезнувшее в прошлом и вместе с тем до сих пор живое. Возникает глубинная волна, холодное течение, подталкивая некоторых из нас друг к другу, а некоторых, наоборот, разделяя еще больше. Большинство следует по воле волны, некоторых она поглощает, и лишь немногие понимают, что вообще что-то произошло. Существа, живущие под нами, редко проявляют себя, заключенные в ловушку прошлого.

Иногда, однако, они не просто шевелятся, но и поднимаются к самой поверхности. Они пугают нас по ночам, словно пронзительный грохот поезда, несущегося через темные холмы к невидимой цели.

Некоторые из дальнейших событий произошли со мной. Но не все.

Я расскажу о том, что знаю.

Первое электронное письмо пришло в конце лета. Мы с Ниной провели день в Шеффере, ближайшем месте, где имелись магазины. Шеффер – крошечный городок в Каскадных горах штата Вашингтон. Его главная улица застроена деревянными домиками, а пять поперечных без особого сожаления уходят в еловые заросли.

В городе есть пара дешевых гостиниц, три бара, неплохое кафе, аптека, продовольственная лавка и рынок, где продают старые книги, компакт-диски и не имеющий особой ценности антиквариат. В парикмахерской женщинам предложат стрижку, модную во времена президентства Джимми Картера. У дороги удобно расположился мотель, на случай, если кто-то потеряет счет времени или слишком много выпьет и не сумеет добраться до дома. Есть небольшой железнодорожный музей и полицейский участок во главе с весьма неплохим человеком. Вот, собственно, и все. Место тут вполне приличное, и живут здесь приятные люди, но, по сути, это лишь большое пятно на дороге.

Мы жили в деревянном домике, когда-то являвшемся частью старомодного курорта на орегонском побережье. В конце девяностых пара пенсионеров из Портленда купила три таких домика, перевезла их на грузовиках и поставила на участке в сорок акров в конце заброшенной лесной дороги. Муж вскоре умер, но Патриция до сих пор пребывает в добром здравии. Она чем-то похожа на мою мать, Бет Хопкинс. Патриция предложила нам воспользоваться одним из домиков, после того как мы спасли ее от верной гибели в лесу. Мы немного подумали, кое о чем договорились и приняли предложение.

На участке Патриции располагается большой пруд, а дальше – территория национального парка. Если взглянуть на другой берег осенним вечером, легко поверить, что человечества никогда не существовало и вряд ли стоит особо печалиться по этому поводу.

Наш домик находился на дальнем берегу, в полумиле от дороги, и состоял из гостиной с камином, маленькой кухни, спальни и ванной. Места вполне хватало. Впрочем, все мое имущество умещалось в багажнике средних размеров автомобиля. Таковой у нас тоже имелся. Он принадлежал женщине, которую мне когда-то представили как агента по особым делам Бейнэм.

Нина. Сейчас она сидела на крыльце перед домиком. Воздух был прохладным, но довольно приятным, и все говорило о том, что до зимы еще далеко. Казалось, будто Нина смотрит на заход солнца, но я знал, что это не так. Наверное, солнце было этому радо. Вряд ли у него получилось бы изящно опуститься за горизонт под пристальным взглядом Нины.

Я стоял в кухне, занимаясь приготовлением салата. Нина большую часть дня молчала, но ее спокойствие напоминало спокойствие большого камня, лежащего на середине склона. Я спросил ее, хорошо ли она себя чувствует, и получил утвердительный ответ, который, однако, звучал неубедительно, хотя и не допускал возражений. Понятия не имею, почему женщины так себя ведут, но тут уж ничего не поделаешь, пока они сами не решат заговорить. Я знал, что разговор нам вскоре предстоит – он назревал уже неделю, – и не слишком спешил его начинать. В итоге моя стряпня начала приобретать причудливые пропорции. Какая-либо кулинарная эстетика давно была позабыта, и салат выглядел так, словно кто-то решил сэкономить усилия, вывалив в миску содержимое целого салат-бара. Я дошел даже до того, что подогрел на плите фасоль и оставил ее остывать в миске с холодной водой, стоявшей в раковине.

Чтобы убить время, я зашел в гостиную и открыл ноутбук Нины. У меня имелся и мой собственный, но на самом деле он не был моим и лежал на чердаке. Вся содержавшаяся в нем информация была скопирована, зашифрована и сохранена на сервере, находившемся далеко отсюда. Однако файлы на ноутбуке являлись самыми ранними версиями из всех, что у меня имелись, и потому оставались для меня не менее важными. Странно, как порой человеческий разум приписывает некий статус и приоритет даже цифровым данным, электронам, которые могут находиться сразу везде и, следовательно, вообще нигде. Видимо, нам приходится верить, что все сущее имеет свое начало. Иначе как оно может закончиться?

Я проверял свою электронную почту самое большее раз в пару недель. На самом деле я не имел никаких контактов с внешним миром. Единственного человека, раньше регулярно писавшего мне, не было в живых – именно ему принадлежал спрятанный на чердаке ноутбук. Вся почта, которую я сейчас получал, состояла из появлявшихся от случая к случаю предложений сделать пенис тверже или длиннее, получить кучу грантов от всевозможных колледжей или

посмотреть скрытую видеозапись знаменитости, трахающейся с каким-то придурком в подозрительно хорошо освещенной домашней обстановке.

И потому, когда я увидел единственное письмо, причем, похоже, адресованное именно мне, меня словно сковало ледяным холодом.

Строка темы содержала лишь два слова: «Уорд Хопкинс?»

Адрес отправителя был мне незнаком – зарегистрированный на хот-мэйле, любимом логове спамеров, но не только их. Письмо было отправлено на адрес, принадлежавший мне уже много лет, но которым я не пользовался два или три года. Вряд ли сообщение на этот адрес могло иметь какое-то отношение к моей нынешней жизни.

Я открыл письмо. Оно состояло всего из одной строки: «Мне нужно с вами поговорить».

Я уже начал переносить письмо в корзину, когда что-то вдруг заставило меня засомневаться. Может быть, все же следовало записать адрес отправителя? Стереть – не значит ответить отказом, в чем у меня уже был повод убедиться.

Снаружи послышался скрип половиц. Повернувшись, я увидел направлявшуюся к двери Нину, одетую в черные джинсы и теплую коричневую куртку, которую я купил ей в Якиме пару месяцев назад. Вид у нее был мрачный.

Я быстро закрыл компьютер и вышел в кухню.

– Уорд, я уже насмотрелась на закат до изнеможения, – сказала она. – Где, черт возьми, еда?

– Сейчас будет.

Я вынул фасоль из воды, слегка встряхнул и ловко высыпал поверх остального содержимого миски. Нина молча наблюдала за мной, глядя на результат моих тяжелых трудов.

– Вуаля, – сказал я. – Всем салатам салат.

– А ты, похоже, не шутишь. Как насчет нескольких сосновых шишек сверху? И парочку белок, для большей живописности. Могу добыть, если хочешь. А может быть, вообще целое дерево. Скажи свое слово, маэстро.

– Стоп, стоп. – Я поднял руки. – На самом деле я все это делал не ради благодарности. Хватит и удовольствия на твоём лице.

Она слегка улыбнулась.

– Ну и идиот же ты.

– Возможно. Но я – твой идиот. Давай попробуй. Собственно, все равно придется. Больше ничего нет, я использовал все, что было.

Она покачала головой и снова улыбнулась, на этот раз искреннее. Положила несколько ложек салата на тарелку, затем добавила еще, демонстрируя добрые намерения. Потом поцеловала меня в щеку и унесла тарелку и бутылку с вином обратно на крыльцо.

Я последовал за ней. Разговор нам еще предстоял.

Некоторое время мы молча ели.

Воздух был все еще довольно приятным, но в нем уже ощущался холод, спускающийся с горных вершин. Вечер не слишком располагал к поеданию салата. Минут через десять Нина отложила вилку жестом, недвусмысленно говорившим: «С меня достаточно». Ее тарелка все еще была наполовину полна.

– Извини, – сказала она, увидев, что я это заметил. – Знаю, тебе немало пришлось потрудиться.

– Даже чересчур. И ни черта не вышло. Это салат позора. Я же тебе говорил, надо было просто купить у Иззи большую коробку жареной курицы.

– Может быть.

– Однозначно. В этом можешь на меня положиться. Я разбираюсь в еде. Это мой дар. Я могу предсказать лучшую еду на любой день – не только для себя, но и для всего племени. В прошлые времена я мог бы быть шаманом. Я бы спрашивал совета у костей и читал предзна-

менования в небесах, а потом провозглашал: «Хо-хо, парни, вам скоро захочется мяса, так что попытайтесь завалить мамонта, когда пойдете на охоту». И всегда оказывался бы прав.

Нина смотрела на меня.

– Ты еще что-то говоришь?

– Это не я. Наверное, просто ветер.

Над озером спустились сумерки, и оно стало похоже на черное стекло.

Нина какое-то время смотрела вдаль, а потом наконец спросила:

– Что будем делать дальше, Уорд?

Вот оно. Я понял, что разговор, который я пытался оттянуть, на самом деле вовсе не являлся разговором. Просто вопрос. Всего лишь один вопрос.

Я закурил сигарету.

– А чего ты хочешь?

– Дело не в том, и ты это знаешь. Просто... так больше не может продолжаться. Так нельзя жить.

– Нельзя?

– Я не это имела в виду. Ты знаешь. Я про нынешние обстоятельства. Про то, что у нас нет выбора.

Я взял ее за руку. Лето мы провели очень хорошо, несмотря ни на что. В основном мы оставались в окрестностях Шеффера. Мы познакомились с некоторыми из местных жителей, почти ничего, однако, не рассказывая о себе. Мы лучше узнали и друг друга – принимая предложение воспользоваться домиком Патриции, мы были вместе всего неделю, хотя наши жизненные пути пересеклись на полгода раньше. Вскоре после того, как умерли мои родители. Точнее, были убиты, как выяснилось впоследствии. Нина знала почти все, что можно было узнать о моем прошлом. О ней я тоже знал немало – подозреваю, больше, чем кто-либо другой, включая человека по имени Джон Зандт, который когда-то был нашим другом, но, похоже, бесследно исчез.

Нам троим были известны тайны, которые лучше бы не знать. Вот почему наша жизнь пошла именно таким образом.

Мы много и подолгу гуляли по лесу, готовили здоровую еду на очаге, который я сделал из плоских камней. Нина рассмеялась, увидев его в первый раз, и заметила, что я каким-то образом умудрился соорудить очаг в индейском стиле. Тем не менее он вполне справлялся со своей задачей.

Благодаря прогулкам и помощи, которую я оказывал Патриции и другим, я находился в самой лучшей форме за многие годы. Рана в плече, полученная пять месяцев назад, больше меня не беспокоила. В то время как я потерял несколько фунтов, Нина прибавила в весе несколько унций, и, хотя ее никто никогда не мог назвать стройной, ее это ничуть не портило.

Мы также немного попутешествовали, совершая более или менее случайные поездки на восток и юг, что помогало избавиться от ощущения, будто мы от кого-то скрываемся. Дважды нам пришлось побывать в Лос-Анджелесе, и во второй раз мы забрали кое-какие вещи из дома Нины, непрочного сооружения, примостившегося на далеко не фешенебельном склоне гор Малибу. Мы не могли задержаться там надолго, чтобы она смогла выставить дом на продажу – впрочем, вряд ли кто-либо захотел бы его купить, – и в конце концов мы заперли дом и оставили все как было.

Собственно, именно это и имела в виду Нина. По существу, все до сих пор оставалось как было, как бы мне ни хотелось считать иначе. Мы заслонили ставнями наши окна, но внешний мир продолжал существовать. Прежде всего, у Нины была работа. Серьезная работа. Отпуск, о котором она договорилась, затянулся настолько, что ей приходилось делать выбор – или увольняться, или вернуться. Мне в этом отношении было несколько проще. Несколько лет назад я работал на ЦРУ, занимаясь мониторингом средств массовой информации. В конце концов мне

пришлось уйти. На самом деле, как любил напоминать мой друг Бобби, я ушел сам – незадолго до обязательной проверки на детекторе лжи.

Мы немного поговорили на эту тему, чувствуя, что наступает неизбежное – чего никому из нас не хотелось. Казалось, будто нас держит в своей теплой ладони великан-волшебник и теперь его рука опускалась, готовясь вернуть нас назад на землю.

– Что-нибудь придумаем, – сказал я. – Но что касается сегодняшнего вечера – могло быть и хуже. Пока что я сижу здесь с тобой, и этого мне вполне хватает.

– А кому бы не хватало? Я ведь просто персик, почти в буквальном смысле. Симпатичная, умная, уравновешенная. Лучшая подруга во всех отношениях.

Я поднял бровь.

– Сомневаюсь, что я бы зашел столь далеко.

– А что, нет? Назови причину.

– Ну... ты ведь стреляла в своего последнего любовника.

– Это был несчастный случай.

– Ну да, как же.

– Именно так. – Она подмигнула. – Но в следующий раз будет иначе.

Я рассмеялся, и мучивший нас вопрос вновь на какое-то время отошел в тень. Мы сидели на крыльце, разговаривая и глядя на темнеющее озеро, пока не стало слишком холодно, и мы вошли в дом. Потом мы вместе лежали в постели, и я прислушивался к шуму деревьев и к дыханию спящей Нины, пока не перестал различать звуки и тоже не заснул.

Пять месяцев – возможно, и не слишком долгий срок, но именно благодаря им наши отношения стали самыми долгими из всех, которые у меня когда-либо были. Мне до сих пор не верилось в это чудо. Казалось, жизнь продолжается.

Я ничего не рассказал о письме, которое получил, так же как и о втором – точно с такими же темой и содержанием, – пришедшем два дня спустя. Его я удалил, а первое убрал глубоко в папку на диске. Простодушие не было мне свойственно, так же как и чувство дома. Я боролся с миром единственным возможным способом – пытаюсь от него скрыться.

Еще несколько дней все шло как обычно. Лишь однажды утром, когда к домику Патриции подъехала незнакомая машина, я понял, что ничто – ни улыбка, ни ложь во спасение, ни чересчур изысканный салат – не остановит мир перед тем, чтобы снова нас найти.

Глава 02

Звонок раздался в начале двенадцатого. Я возился у озера с большими кусками старой серой древесины, оставшейся с того дня, когда я помогал залатать стену амбара, и размышлял, не соорудить ли из них импровизированный стол, чтобы можно было ужинать возле воды, не притаскивая с собой маленький столик с крыльца. В глубине души я понимал, что долго нам ужинать на улице все равно не удастся, более того, подозревал, что любое творение моих рук не выдержит ничего тяжелее полной бутылки вина.

Услышав в отдалении три коротких звонка мобильного Нины, я не придал им особого значения. В доме не было телефона, и если кто-то из знакомых хотел с нами связаться, звонили ей на сотовый. Я продолжал складывать деревяшки то так, то этак, пока наконец не поднял взгляд и не увидел Нину, с побелевшим лицом стоящую на крыльце.

– Это Патриция! – крикнула она. – Кто-то сюда едет!

Бросив инструменты, я быстро вернулся к дому. Голова была ясной, а сердце холодным.

– Сколько их?

– Одна машина. Пока что.

Нина вбежала в дом, а я полез под крыльцо, достал длинный и тяжелый сверток, упакованный в толстую пластиковую пленку, и быстро перезарядил винтовку, прислушиваясь к звукам, доносившимся с другой стороны озера.

Закончив, я тоже вошел в дом. Нина уже положила на стол два наших пистолета.

– Еще что-нибудь?

– Нет, – ответил я, кладя свой пистолет в карман.

Поцеловав ее, я снова поспешил на улицу. Посмотрев через озеро, увидел стоящий рядом с домом Патриции автомобиль. Ближе подъехать было невозможно – любому направлявшемуся в нашу сторону пришлось бы проделать последние двести ярдов пешком. Можно пройти по неровной дорожке вдоль берега озера или срезать путь через деревья, подойдя к дому сзади. И оба этих пути нужно было держать под наблюдением.

Взяв винтовку, я обогнул дом и стал подниматься вдоль узкого хребта, хорошо укрытого среди деревьев. С этого места, которое я нашел уже давно, открывался хороший вид на расположенную тридцатью ярдами ниже тропинку, а меня трудно было заметить снизу. Присев за стволом самого большого дерева, я приложил винтовку к плечу. В свое время я провел немало часов в самых разных уголках участка Патриции, тренируясь на всякий случай, и почти не сомневался, что с этого расстояния сумею попасть в любую цель. Во всяком случае, попытаюсь это сделать.

Одна машина. Вероятнее всего, четверо. Если, конечно, предположить, что на дороге не ждет еще одна. И что тех, других, не послали к нам через лес. Если так, то я должен услышать стрельбу Нины прежде, чем она услышит мою.

Шесть минут спустя я отчетливо услышал шуршание листьев от чьих-то осторожных шагов по тропинке. Звук шел снизу слева. Я ждал, сохраняя полное спокойствие и стараясь не думать, что случится, если мне придется стрелять. Куда нам бежать и что делать. А может быть, до этого и не дойдет, возможно, наша жизнь вытечет из наших тел прямо здесь, в безразличную ко всему землю, которая лишь час будет красной, потом еще несколько дней коричневой, а затем станет неотличимой от прочей грязи и пыли. Впрочем, последнюю мысль оказалось легче всего отбросить. Я не собираюсь умирать. Ни сейчас, ни когда-либо. Я просто не вижу в этом необходимости. И рано или поздно миру придется со мной считаться.

Еще через две минуты я увидел какое-то движение внизу, у подножия склона. Двое, самое большее трое. Что ж, неплохо – хотя, возможно, где-то есть и подкрепление. Отклонившись назад, я бросил взгляд влево, но никого больше не увидел. Я подождал двадцать секунд,

которые требовались им, чтобы снова оказаться в поле моего зрения. На самом деле понадобилось почти сорок, что дало мне небольшую передышку. Они не слишком торопились. Я не знал, то ли они чересчур осторожны, то ли действительно были знатоками своего дела, а реагировать в этих случаях следовало совершенно по-разному. Мне до сих пор не было в точности известно, сколько их, – когда они пересекали очередное открытое пространство, луч солнца упал на озеро, ослепив меня желто-белым сиянием.

Потом они снова скрылись за деревьями. Оставался еще один, последний просвет. Двое или трое – в конце концов, не такая уж и большая разница. Все равно придется тащить трупы куда-нибудь далеко в лес, где их никто не найдет.

Я встал и переместился чуть вперед между деревьями, откуда можно было точнее прицелиться, в то же время чувствуя себя в безопасности. Неожиданный выстрел мог дать мне лишние две секунды, поскольку эхо от окружавших меня стволов скрыло бы мое истинное местоположение.

Опустившись на колени, я прицелился. Среди деревьев, в пяти ярдах от просвета, в котором я их ждал, мелькнула темная одежда. Еще тридцать секунд...

И тут я что-то услышал.

Сперва я не сообразил, в чем дело. Потом понял, что это снова звонит телефон Нины.

Я в ужасе застыл на месте. Патриция совершила большую ошибку. Очень большую. Она не должна была наблюдать за происходящим. Так мы договорились. Увидев кого-то подозрительного, она должна была позвонить Нине. Если затем она услышит выстрелы, она должна была позвонить нашему другу в Шеффере. И ничего больше. Во всех остальных случаях ей следовало сидеть у себя в доме, притворяясь отсутствующей или мертвой, или и то и другое вместе.

Люди внизу тоже остановились, видимо услышав звонок. Я видел их не слишком отчетливо для того, чтобы уверенно снять одного из них первым же выстрелом. А без этого...

Послышались приглушенные голоса. Возможно, они решили идти дальше, поняв, что отвлекший их телефон мог лишь ухудшить положение тех, кто их ждал.

Они снова двинулись вперед, пока наконец не оказались на открытом пространстве. Двое, высокого роста. Оба в темной одежде.

В сорока ярдах от меня. Если стрелять, то не в голову. В туловище. Для надежности. Я задержал дыхание, глядя вдоль ствола, и мягко потянул за спусковой крючок.

Внизу что-то мелькнуло – кто-то быстро бежал со стороны нашего дома навстречу двоим незнакомцам. Я увидел ярко-коричневое пятно, цвета...

Я резко поднял голову, и в то же мгновение снизу послышался женский крик. Куртка Нины – значит, и голос ее?

Не раздумывая, я вскочил на ноги и начал осторожно, но быстро спускаться по склону, все еще держа винтовку наготове и палец на спусковом крючке – но теперь уже совершенно не понимая, что происходит.

Спрыгнув на тропинку в двадцати ярдах позади пришельцев, я увидел в ста футах впереди Нину, которая бежала к двоим, оказавшимся в итоге между нами. Те остановились. Один из них все еще держал в руке телефон. Второй повернулся и, увидев меня, медленно поднял руки.

– Эй, Уорд, – сказал он. – Спокойнее.

– Ради всего святого, Чарльз! – крикнула Нина человеку с телефоном. – Вы вообще сообщаете, что делаете?

Они сидели на крыльце, а мы стояли в нескольких ярдах от них. Ни я, ни Нина пока не решались подойти ближе, хотя уже был сварен кофе, Патриции все объяснили, и пот у меня на затылке успел высохнуть.

– Мы же могли вас убить, – сказала Нина уже не в первый раз.

Она все еще стояла, уперев руки в бока, охваченная неподдельным гневом.

– Я и сейчас мог бы, – пробормотал я.

Двое сидели в креслах, где мы обычно ели. Вторым, тот, который меня приветствовал, не произнес ни слова, если не считать отказа от сахара. Он был поджар и высок, с коротко подстриженными волосами. Его звали Дуг Олбрич, и он служил лейтенантом в спецподразделении полиции Лос-Анджелеса, занимавшемся расследованием тяжких преступлений.

Первым, хромоту которого я заметил даже на расстоянии, был Чарльз Монро, особый агент одного из подразделений ФБР в Лос-Анджелесе, непосредственный начальник Нины. Я встречался с ним лишь однажды, непосредственно перед тем, как он получил несколько огнестрельных ранений от человека, напавшего на нас в ресторане во Фресно пять месяцев назад. Монро повезло, и он остался жив, хотя, вероятно, в течение многих недель чувствовал себя далеко не лучшим образом. Судя по тому, с какой осторожностью он сел в кресло, боль давала о себе знать до сих пор.

Того, кто стрелял в нас, Нина убила неподалеку отсюда в лесу в тот самый день, когда мы познакомились с Патрицией.

С тех пор Нина видела своего босса лишь дважды, во время наших кратких визитов в Лос-Анджелес, куда ее вызывали для доклада и дачи свидетельских показаний на суде над убийцей, которого мы задержали в тот день.

– Почему вы предварительно не позвонили? – спросила Нина. – Я имею в виду вчера, а не тогда, когда уже наполовину обошли вокруг озера? Больше всего мне сейчас хочется вас прикончить, несмотря на последствия.

Монро поставил чашку на стол.

– А вы были бы здесь, когда я приехал?

– Конечно были бы.

Он ей не поверил.

Олбрич смотрел на деревья, радуясь, что эта часть разговора не имеет к нему никакого отношения. Однако в чертах его лица чувствовалась напряженность.

– И прежде всего, вы ответили бы на звонок?

– Чарльз... ради бога...

Она потерла лицо руками и взяла с перил свою чашку.

– Монро, – сказал я, – что вам, собственно, нужно?

– От вас – ничего. Вы не сотрудник ФБР, организации, в которой работаю я. И Нина тоже, о чем, надеюсь, она помнит. Вы и не полицейский, и никогда им не были. Догадываюсь, что когда-то вы работали на другое агентство, которое можно приблизительно определить как «разведка», но, судя по тому, что я слышал, это было давно и по вам там особо не скучают. Так что, насколько я понимаю, вы можете уйти в лес и больше не возвращаться.

– Уорд спас вам жизнь, – напомнила Нина.

– В самом деле? Последнее, что я видел, – как он вытаскивал вас из ресторана, оставив меня застревшим в кабинке. Стрелявший погнался за вами, и я остался жив по определению.

– Весьма избирательное мнение, – сказал я, хотя в душе был с ним согласен.

Мне тогда куда важнее было спасти жизнь Нины и свою собственную, чем его, – особенно после того, как он получил, насколько мне показалось, смертельные ранения. Я обнаружил, что вполне спокойно могу после этого жить.

– Послушайте, – встрял Олбрич, – так мы ни к чему не придем.

– Мы с Ниной и не собираемся никуда идти, – огрызнулся я. – У нее есть договоренность с этим господином, которая запрещает ему раскрывать наше местонахождение – в том числе и вам. Он уже ее нарушил, и, как мне кажется, это только начало. Вы ведь приехали сюда не затем, чтобы доставить Нине письмо, Монро? Так что же, черт побери, вам нужно?

– Нина, – сказал Монро, – вам пора возвращаться.

Вот тебе и раз. Я понял, что Нина получила ответ на свой вопрос, заданный прошлым вечером. Похоже, иного и быть не могло. Я покачал головой и несколько раз прошелся взад-вперед.

– Не знаю, вернусь ли я, – ответила Нина. – Мне здесь нравится.

– Вы увольняетесь? В самом деле? Если так, возьмите ручку и бумагу. Мне нужно ваше письменное заявление.

Нина посмотрела на меня. Я пожал плечами, давая понять, что это ее работа, ее решение и ее жизнь.

– Ну давайте же, Нина, – сказал Монро, в голосе которого звучало раздражение и вместе с тем попытка убедить. – Вы сами прекрасно знаете, что я предоставил вам отпуск лишь в силу исключительных обстоятельств.

– Вы и без того были должны мне два миллиона лет отпуска.

– Вы сбежали от нас уже много недель назад. И вы сами это знаете.

– Ладно, – устало сказала она. – Возможно, я и уйду. Возможно, с меня хватит. Для меня особой разницы нет.

– Это неправда. За десять лет благодаря вам в тюрьме оказалось немало убийц.

– Посадить кого-то за решетку, после того как он убил двух, четырех, шесть человек, – разве это победа? Это примерно как вытереть лужу пролитого молока. Отлично, пол на какое-то время чистый. Но молока-то все равно нет. Родственники жертв все так же просыпаются по утрам, чувствуя невосполнимую потерю. Что случилось – то случилось, и с этим ничего не поделаешь.

– Такова суть нашей работы, – сказал Олбрич. – Если только не придумают какой-нибудь способ возвращаться назад во времени.

Нина покраснела. Она почувствовала себя крайне глупо оттого, что полицейский так истолковал ее мысли. Монро, судя по всему, тоже это понял.

– Кроме того, – быстро добавил он, – есть еще кое-что. Вы мне нужны.

– Нет, не нужна, – ответила она, твердо покачав головой. – У вас полно других сучек, и могу побиться об заклад, некоторые даже настолько умны, что понимают причинно-следственную связь.

– Нина, я проделал немалый путь, чтобы встретиться с вами, и у меня не слишком много времени.

– Тогда возвращайтесь назад в Лос-Анджелес. Счастливого пути. В следующий раз позвоните заранее и захватите цветы, пирожные или еще что-нибудь. Похоже, вы крайне дурно воспитаны.

– В Калифорнию я не возвращаюсь. К ФБР обратились за помощью в расследовании убийства в Виргинии. Дело весьма грязное, и вполне возможно, что это серийный убийца – по крайней мере, так считают местные копы. Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной.

Нина снова покачала головой.

– Я не...

– Нина, они считают, что это сделала женщина.

Нина стояла на берегу озера уже десять минут, и я знал: каждая прошедшая секунда означает, что, вероятнее всего, она уедет. Ее поза недвусмысленно говорила о том, что все вокруг – деревья, озеро, горы и, скорее всего, даже я – не имеет теперь для нее никакого значения.

Я оставался в доме вместе с Монро и Олбричем. Никто из них не пытался со мной заговорить. Олбрич несколько раз бросал взгляд на часы.

– Так все-таки объясните, – не выдержал я. – Вы нашли труп к востоку отсюда, и, возможно, это действительно дело ФБР, а может быть, и нет. Чего я не могу понять – что здесь

делает ваш приятель Олбрич. Меня не волнует, как вы определяете юрисдикцию полиции Лос-Анджелеса, но Виргиния от него весьма далеко.

Монро и Олбрич переглянулись.

– Расскажите ему, – сказал Монро, неуклюже вставая и спускаясь с крыльца. – Все-таки это напрямую его касается. И у нас мало времени.

Он прошел мимо меня и направился к Нине.

– Тот тип, Хенриксон, – начал Олбрич, когда Монро отошел достаточно далеко. – Он ведь ваш брат, верно?

Он имел в виду убийцу, которого мы поймали в лесу. Человека, которому вскоре предстоял суд за убийство женщины по имени Джессика Джонс в Лос-Анджелесе и еще одной из Сиэтла, Кэтлин Уоллес, чье тело было найдено в сорока милях от того места, где мы сейчас сидели. Исход дела был предрешен. Далее ожидался еще один суд, по делу об убийствах нескольких девочек-подростков в Лос-Анджелесе пять лет назад, которое в прессе окрестили делом «Мальчика на посылках». Здесь уже все было не столь просто.

– Мы близнецы, – сказал я. – Но я никогда его не знал. Его настоящее имя – Пол. Сам он называет себя Человек Прямоходящий – если помните, прозвище «Мальчик на посылках» придумал сам Монро. В любом случае, Пол действует не в одиночку. Впрочем, вы обо всем и так знаете из доклада Нины.

– На самом деле там об этом не говорилось, – глядя в сторону, ответил Олбрич. – В итоге был сделан вывод, что ваши не слишком конкретные заявления лишь запутали дело.

– То, о чем я говорю, – правда, – сказал я. – И Нина об этом знает. Пол работал на тайную организацию убийц, поставляя им жертвы на заказ. Впрочем, этим он далеко не ограничивался.

– Расследованием занимается Монро, а не Нина.

– Монро занимается собственной карьерой. Ладно, так в чем, собственно, дело?

– После того как вашего брата выписали из больницы, его перевели в «Пеликан-бэй», тщательно охраняемую тюрьму возле границы с Орегоном.

– Я думал, там сидят всякие гангстеры-психопаты вроде «Арийских братьев», «Черных повстанцев» и прочих.

– Обычно так и есть. Но Монро был убежден, что вашему братцу необходимо оставаться под строгой охраной до суда, в одиночной камере без окон, под прицелом охранников, для которых смерть заключенного – лишь дополнительная канцелярская работа. После того что он сделал с теми женщинами, трудно не согласиться. Так что Монро своего добился. В Коркоране или Техачапи Хенриксона бы не взяли, и в итоге его отправили в Пеликан, на север. За три месяца он пережил три попытки убийства, одну со стороны охранника, который сейчас в больнице. Но потом...

Олбрич тяжело выдохнул, и этого оказалось достаточно, чтобы перехватить у него инициативу. Особенно когда я увидел, как стоявший на берегу Монро что-то сказал и Нина вдруг подняла голову, посмотрела на меня и быстро пошла назад.

– Только не говорите мне этого, – сказал я, чувствуя, как кровь приливает к ушам и начинает стучать в висках.

– Два дня назад его должны были доставить из тюрьмы обратно в Лос-Анджелес. Мы не знаем, что случилось в пути, но в ста милях к югу что-то произошло наверняка. На дороге обнаружили бронированный грузовик, а в полумиле от него тела двух охранников. Еще двое исчезли. Есть версия, что они тоже мертвы.

– Нет, – сказал я. – Надо исходить из того, что они помогли Полу бежать.

– Монро предполагал, что вы скажете нечто подобное. Он говорил, вы во всем видите заговор, убийцу под любой кроватью.

– Вы знаете, что я имею в виду. Вы помогали Джону Зандту. Вы добывали для него информацию. Он отслеживал Пола.

– Я помогал Джону, потому что знал его еще по работе в полиции, а он был выдающимся полицейским. Вот только теперь он больше не полицейский. Для начала – имеются два ордера на его арест за убийства.

– Ну да. Он убил человека, который организовывал доставку девочек прямо в лапы маньяков, и еще одного, который помогал их похищать.

– Осторожнее, Уорд. Если Зандт когда-нибудь снова появится, вам, возможно, придется повторить это перед судом.

– Я не одобряю того, что сделал Джон. Но когда у меня будет время и мне никто не будет угрожать, я пойду и спляшу на могилах этих двоих подонков.

– А кто вам угрожает?

– А как вы думаете? Те, кто за этим стоит. И это не фантазия. Почему, по-вашему, мы с Ниной все это время оставались здесь, под вымышленными именами? Думаете, мы просто любим природу? Или жутко стеснительные?

– Я думал, это из-за вашего брата. Я знаю, что вы участвовали в его поимке.

– Нет, – холодно ответил я. – Дело не в нем. Мы полагали, что система исполнения наказаний штата Калифорния держит ситуацию под контролем.

– Уорд, – позвала Нина.

Монро шел в нескольких шагах позади нее, заложив руки за спину. У него был вид человека, выполнившего свою задачу.

– Он тебе рассказал?

– Да. Поздравляю, Чарльз. Вы только что потеряли одного из самых опасных людей на планете Земля.

– Мы его найдем, – сказал Монро.

– Нет, не найдете, – ответил я. – Никаких шансов. Если кто-то кого-то и найдет, то это он вас. Желаю удачи.

– Не думаю, что он станет искать именно меня.

– Верно, – согласился я. – Так почему же вы не рассказали нам об этом немного раньше? Скажем, полтора дня назад? Или у вас с тех пор сидели в Шеффере агенты, следившие, не направится ли он сюда? Вы использовали нас в качестве приманки?

– Нет, конечно, – ответил он.

Я ему не поверил, и это означало, что в Шеффере мы больше не могли чувствовать себя в безопасности. Пол вовсе не обязательно должен был отправиться разыскивать меня, но на это вполне были способны и другие.

– Значит, Олбрич приехал лишь затем, чтобы спросить, не знаю ли я, где Пол?

– А вы знаете?

– Нет, – ответил я. – А даже если бы знал, сейчас я бы вам этого не сказал.

Я курил на крыльце, пока Нина собирала вещи. Монро и Олбрич нетерпеливо ждали, стоя неподалеку. Некоторое время я смотрел в затылок Монро, и просто меткого выстрела теперь казалось мне недостаточно. Мне хотелось схватить его за шею и утопить в озере и продавать на это представление билеты. Дешевые билеты, с бесплатной закуской.

– Я готова, – сказала Нина.

Обернувшись, я увидел, что она стоит в дверях с сумкой в руках, переодевшись в привычную для нее одежду, костюм сотрудника ФБР. Сейчас она выглядела совершенно иначе: деловому, профессионально. Она выглядела... на самом деле, она выглядела просто здорово.

Я встал.

– Агент Бейнэм во всей ее красе.

– Я тоже этого терпеть не могу, – сказала она, подходя ближе. – Ты ведь мне веришь, правда?

– Да, – тихо ответил я. – Потому что мне кажется, что кое-кто до последнего времени игнорировал звонки Монро. Верно?

– Возможно.

– Тебе стоило сказать мне, что он пытался с тобой связаться.

– Ты прав, – ответила она. – Извини. Я виновата. Но скажи мне – кто пытался связаться с тобой?

– О чем ты?

– В тот вечер, когда ты приготовил свой странный салат, ты закрыл ноутбук, не выйдя из почтовой программы. Когда мне понадобился компьютер, она оставалась на экране.

Сказать было нечего.

– Ты меня поймала.

– Так кто пытается с тобой связаться?

– Это мой старый адрес. Это может быть кто угодно.

– Не думаю. Ты, конечно, человек хороший, несмотря ни на что, но все же не настолько популярная личность. Вряд ли это приглашение на боулинг. Мы живем в реальном и опасном мире, Уорд. Ты должен выяснить, кто это.

– Ты босс.

– Именно. И всегда помни об этом. – Она наклонилась и поцеловала меня. – Увидимся.

Она спустилась к озеру и ушла в сопровождении двоих мужчин. Мне показалось, будто она исчезла задолго до того, как скрылась из виду.

Всю вторую половину дня я занимался консервацией дома: прибрался в комнатах, выключил бойлер, закрыл ставнями окна. Большую часть времени я пытался думать о том, куда мне теперь отправиться, но тщетно. Лучшее, что пришло в голову, – сесть в машину и ехать прямо на восток. Поднявшись на чердак, я достал компьютер Бобби и поставил его на подзарядку, а сам отнес свои немногочисленные пожитки к машине Нины, стоявшей за домом Патриции.

Я объяснил миссис Андерс, что Нина уехала и что скоро я уеду тоже. Я посоветовал ей быть осторожнее, остерегаться незнакомых людей и немедленно связываться с шерифом, если что-то покажется ей подозрительным. Она приготовила мне чашку кофе, отчего я лишь почувствовал себя еще более одиноким.

Вернувшись, я проверил почту. Ничего не было, что в определенном роде лишь осложняло задачу. Ладно, Нина сказала мне, чтобы я выяснил, кто пытается с нами связаться, но письмо с обратным адресом находилось на ее компьютере. Я все еще не был уверен, что это действительно нечто серьезное. Возможно, Нина считала, что меня пытается выследить Пол, – в таком случае она ошибалась, поскольку письмо было отправлено, когда он еще находился в тюрьме.

Я уже собирался выключить машину, когда вдруг заметил, что почтовая программа все-таки что-то загружает. Переключившись на окно загрузки, я понял, что письмо идет на один из ящиков Бобби. Я оставил его адреса активными то ли из уважения, то ли из суеверия, не желая уничтожать последний след его пребывания в этом мире.

В ящике оказалось три письма. Все они были озаглавлены «Позвони мне», и самое последнее отправлено три недели назад. Я бы не раздумывая отнес их к спаму, если бы хот-мэйловский адрес отправителя не показался мне знакомым.

Я открыл последнее письмо:

«Бобби – ты там? Происходит нечто странное. И мне нужны твои мозги. Немедленно».

Подписи не было, как и в полученных мною сообщениях. Почему? Я мог лишь предположить, что отправитель полагал, будто Бобби и я узнаем его адрес и так. Немного подумав, я скопировал адрес в письмо с моего собственного ящика и напечатал:

«Это Уорд Хопкинс. Бобби умер. Кто вы и что вам нужно?»

Затем я, почти не раздумывая, нажал кнопку отправки.

Я знал, что самое лучшее сейчас – побыстрее смыться, но оказалось, что это не так-то легко. Я в последний раз огляделся вокруг, как учил меня отец во время семейных поездок на отдых, проверяя одну за другой комнаты и закрывая за собой каждую дверь. Мне не сразу удалось найти свое пальто, но потом я сообразил, что, видимо, оно висит за открытой входной дверью. Я не помнил, чтобы вешал его туда, но день сегодня был весьма напряженным.

Я потянул на себя дверь, чтобы забрать пальто, и увидел, что оно тут не единственное. Рядом висела коричневая куртка Нины.

Она оставила ее здесь.

На мгновение я почувствовал себя словно подросток, затем мысленно пожал плечами. Возможно, куртка оказалась просто слишком большой и не вошла в сумку или не вязалась с внешним видом сотрудника ФБР. Тебе же тридцать девять лет, Уорд. Возьми себя в руки.

Потом я заметил, что из кармана торчит сложенный листок бумаги – записка.

«Ну и дура же я. Замерзну до смерти».

И все-таки у меня появилась цель.

Я запер дом и поехал на юг в сторону Якимы, где был аэропорт. Я решил, что проведу там ночь, а утром улечу в Виргинию.

Глава 03

Впоследствии Ли Гион Худек наверняка сказал бы, что с самого начала знал: ничем хорошим это не кончится. Он не мог вспомнить, когда ему впервые так показалось, но странное предчувствие точно наличествовало, хотя в подобную чушь он не верил. Такое пристало бы мелким торговцам с Венис-бич, или пьяным девицам с дешевыми колодами карт Таро, или, в крайнем случае, Питу Воссу: Соня Пит считал, будто владеет некоей потусторонней магией, поскольку его мамаша была то ли из индейцев, то ли из буддистов или еще черт знает из кого. Особенно сильно он начинал верить в сверхъестественное, когда напивался, что, впрочем, бывало достаточно часто. Ну а Худек полагал, что все это полнейший бред как в отношении Пита, так и в мировом масштабе.

Худек с самых ранних лет прекрасно понимал, что в мире все происходит в соответствии с жесткими предопределенными законами, а всяческая красивая чушь – для неудачников. Мир любит тех, кто готов действовать, тех, кому удастся пробиться наверх. Соня, конечно, был полным придурком, но зато большим и смирным, ему можно было доверять, и он пусть и не слишком расторопно, но беспрекословно выполнял свою работу, продавая товар. К тому же они уже довольно давно работали вместе, так что Худека это вполне устраивало.

Началось все с того, что они сидели в машине – Пит на пассажирском сиденье, а Брэд Метцгер сзади – возле поворота на Туджунга-каньон-драйв. Крыша была опущена, и их согревали солнечные лучи. Они ждали уже довольно долго. Машина принадлежала Худеку, за нее он заплатил наличными. Многие в его положении обзавелись бы навороченной тачкой в ретро-стиле – какое-то время и у него была такая же, – но не так давно он решил, что ему больше подойдет делового вида «мерс». К тому же и копы доставляли куда меньше головной боли.

Хотя Худеку не исполнилось еще и двадцати, он также владел своим собственным домом. Ничего особенного, всего лишь скромное жилье с тремя спальнями в Саммер-хиллс, но при нем имелись бассейн и большой гараж на два автомобиля, а размер телевизора ошеломлял.

Пит и Брэд жили в Сими-вэлли, к югу от Санта-Барбары, оба с родителями. Так жили все, кого он знал, почти ничем не занимаясь в течение года после окончания школы. Работа в Калифорнии больше с деревьев не падает, и весьма средние успехи в школе ничего не значат в мире за ее пределами.

Машина стояла на обочине дороги, и по правую сторону от нее поднималась пыльная и неровная стена каньона. Было жарко. Соня играл в карманную видеоигру, издававшую писклявые звуки. Брэд что-то бубнил насчет девчонки, за которой он ухаживал, и стоит ли ему платить за то, чтобы она сделала себе операцию на носу. Худек сам был близко знаком с вышеупомянутой девушкой и придерживался мнения, что Брэд не сможет выносить ее общества даже до конца послеоперационного периода, особенно если учесть, что на какое-то время она будет неспособна делать минет. Однако он полагал, что Брэд мог бы сообразить это и сам. Если парень намеревается выкинуть такие деньги на девчонку, то ему явно слишком много платят.

Имелось в виду – много платит Худек.

– Знаешь, я сам ее трахал, – неожиданно сказал он. – Год назад.

Брэд на мгновение замолчал, а потом завел разговор про какую-то другую девушку.

Когда Худек снова посмотрел на часы, было семнадцать минут второго. Посредники опаздывали уже больше чем на полчаса, чего никогда не бывало раньше. Да, ехать за товаром через всю Долину не доставляло никакого удовольствия, но так было всегда. К тому же Эрнандес выглядел человеком вполне надежным, и Ли не имел ничего против того, чтобы встречаться именно здесь. А именно сейчас, когда у него имелся план, надежность была важнее всего.

Он опять взглянул на часы, в чем не было никакой необходимости. Все те же семнадцать минут второго. На мгновение ему показалось, будто движение минутной стрелки замедлилось, словно минута разбухла, готовая взорваться.

Возможно, именно тогда у него возникло странное ощущение, что этот день станет началом дороги в будущее, на которой еще нет никаких указателей.

Потом наступило восемнадцать минут второго.

Сзади послышался щелчок зажигалки.

– Брэд, не кури в машине.

– Блин, крыша же открыта.

Худек повернулся и уставился на сидевшего сзади парня.

Брэд покачал головой, открыл дверцу и вышел. Он отошел на несколько шагов к стене каньона, сел на камень и закурил. На самом деле ему нужна была не сигарета, а косяк (черт побери, он в нем крайне нуждался!), но хотя Ли и менял постоянно свое отношение к сигаретам, он однозначно был против травки на работе. Брэд дожидаться не мог, когда закончится эта часть их работы, которая всегда его немного пугала. Пока что ни разу ничего страшного не случилось, но все-таки наркота есть наркота, а это дело опасное, даже если у тебя и нет отходняка по высшему разряду, каковой сейчас со всей определенностью испытывал Брэд.

Прошлым вечером он тусовался в Санта-Барбаре с младшими Рейнольдсами и другими ребятами, пока старшие Рейнольдсы проводили время на кишашей адвокатами вечеринке в Голливуде за коктейлями, бутербродами и шутками про нового окружного прокурора. Тем временем их дети устроили собственную вечеринку, с вином, травкой и видеоиграми. В конце концов Брэд вырубился в спальне вместе с какой-то девицей. Карен, желавшая поправить себе нос, в тот день вынуждена была присутствовать на семейном обеде, откуда ей было никак не вырваться. А рядом с Брэдом оказалась пятнадцатилетняя школьница, имени которой он так и не узнал, но она, судя по всему, очень любила кокаин. Поэтому Брэд очень надеялся, что девчонка забудет об этом эпизоде.

В семь утра в комнату вошел мистер Рейнольдс, подошел к шкафу и выбрал себе галстук.

Уходя, он сказал:

– Доброе утро, Брэдли.

– Доброе утро, мистер Рейнольдс, – пробормотал Брэд.

На этом все и закончилось. Судя по всему, мысли мистера Рейнольдса были заняты совсем другим – каким-нибудь крупным судебным делом или вроде того. Очень хотелось надеяться, что не валиумом, которым накачались его сын и дочь и которым их через Брэда снабдил Худек.

Однако сейчас сидевшего на камне Брэда больше занимал вопрос, действительно ли Худек спал с Карен Люкс. Вполне возможно, что и так. От Ли всего можно ожидать. Хотя Брэд знал его большую часть своей жизни, ходил с ним в те же самые залы, пинал, ловил или бросал те же самые мячи, он никогда не мог бы сказать, что знает о своем друге все. На некоторые вопросы не было ответа. Например, почему Ли выбрал себе именно такое занятие и каким образом он оказался одним из тех, на кого в конце концов Брэду пришлось работать. Возможно, он и трахался с Карен, а возможно, и нет. В их среде царила полная свобода нравов. Так что, вероятно, это в конечном счете было не так уж и важно.

Брэд поднял взгляд, услышав полифоническую мелодию из «Симпсонов», и увидел, как Ли прикладывает к уху свою «моторолу». Разговор продолжался около минуты. Худек не повышал голос, но такова была его обычная манера, так что это ни о чем не говорило. Наконец он закрыл телефон и поманил пальцем Брэда.

– Откладывается, – сказал Худек, когда Брэд подошел к машине.

Взгляд его трудно было понять.

– Как откладывается?

Худек пожал плечами.

– Хреново, Ли, – пробормотал Брэд.

От жары у него еще сильнее заболела голова.

– Слишком многие ждут.

– Знаю. – Худек снова пожал плечами. – Сейчас он не может, вот и все. Встреча переносится на вечер. Ничего страшного.

С точки зрения Брэда, в этом как раз не было ничего хорошего. Во-первых, раньше такого никогда не случалось, а во-вторых, была суббота и куча народу ждали травки и коки. Чем позже они получают товар, тем позже они смогут закончить его развозить и начать развлекаться сами. Однако взгляд уставившегося в ветровое стекло Худека ясно говорил, что он, мягко говоря, недоволен, так что Брэд ничего не сказал. Вместо этого он достал пистолет, лежавший наготове под задним сиденьем, и убрал его в багажник, завернув в пляжное полотенце. Как всегда, он сразу же почувствовал себя намного лучше.

По пути назад, пока Худек ехал на скорости в пятьдесят миль в час по шоссе 118, он задремал, так и не сказав ни слова. Соня всю дорогу домой продолжал играть в свою игру. Бип, бип, пинг.

Солнце струило сверху свои лучи, превращая окружающий пейзаж в плоскую умиротворенную картину.

Высадив остальных возле торгового центра «Бель-Айл», Худек поехал вокруг Долины без какой-либо определенной цели. В конце концов он оказался за столиком возле кафе «Фри-сби», с гамбургером и картошкой с чили, глядя на проезжающие мимо автомобили. Любопытный взгляд в ту сторону увидел бы светловолосого паренька спортивного телосложения с единственной татуировкой в виде колючей проволоки вокруг левого бицепса (никаких фальшивых бандитских штучек), слегка загорелого, в чистых джинсах и не слишком дешевой футболке. Ничем не примечательная внешность. Обычный представитель местной фауны, молодой самец основного вида, населяющего данную территорию.

Его телефон звонил несколько раз, и он отвечал, методично излагая причины, почему заказчик пока не может получить свой товар. Он был знаком с этими людьми, и никто из них на него не обиделся. Все здорово. Ли все сделает. Как обычно. По крайней мере, так было всегда. Не позвонил лишь тот, кто ему был сейчас больше всего нужен и от кого он должен был узнать новое время и место встречи. Как говорил его отец, становилось «все страньше и страньше».

Как и многие его друзья, Худек вполне ладил с родителями. Большинство молодых людей просто терпели своих предков, поскольку те почти не доставляли им хлопот. Существовая как бы на заднем плане, родители при необходимости отвозили своих чад куда нужно, давали деньги на одежду, развлечения и прочее и лишь иногда тратили свое драгоценное время на то, чтобы вслух поинтересоваться, не собирается ли их сын или дочь найти себе какую-нибудь работу.

Худек же, в отличие от других, по-настоящему ценил своего отца, когда тот был рядом. Худек-старший занимался проектированием недвижимости и много времени проводил в поездках. У него полно было связей, и он очень хорошо зарабатывал, но при этом вовсе не зазнавался. И у него, и у его жены имелось множество очень дорогих вещей, которые никогда не покидали пределов дома и даже прятались при приходе гостей. К тому же отец обладал чувством юмора. Ли выбрал мелодию для мобильного телефона в шутку над самим собой, вспоминая, как много лет назад, когда он был еще маленьким мальчиком, отец смотрел «Симпсонов» и смеялся от души над Гомером, обратившимся к своим детям со словами: «Помните: с точки зрения всех остальных, мы самая обычная семья». Райан Худек следовал похожему девизу, не вполне обычному для того места и времени, в котором он жил: «Если ты понимаешь, чего стоишь, вовсе не каждому следует об этом знать».

Ли последовал примеру отца, усвоив также урок, почерпнутый из бесчисленных фильмов и подкреплявшийся еженедельно криминальной хроникой по телевидению. Если ты бросаешься в глаза, ты привлекаешь к себе внимание. А это плохо. С точки зрения всех остальных, Ли был всего лишь обычным парнем, которому особо нечем было заняться жарким субботним днем. И это вполне его устраивало.

Какое-то время спустя Ли вспомнил, что сегодня день рождения его матери. Он купил открытку, флакон ее любимых духов и поехал домой. Отца не было, вероятно он играл в гольф, и Ли прошел прямо во двор.

Лиза Худек сидела в шезлонге у бассейна, в темных очках. Приняв подарок и поцелуй от сына, она улыбнулась, глядя куда-то в сторону.

Ли провел рядом с ней целый час, наблюдая за рябью на поверхности воды в бассейне, в то время как его мать то и дело прикладывалась к высокой, покрытой инеем бутылке. Наконец зазвонил мобильник. Это был Эрнандес.

Встречу назначили на семь тридцать. Да, очень поздно, но ничего не поделаешь. Где именно – сообщат позже.

Да и не мог бы он на этот раз приехать один?

Худек пробормотал: «Да, конечно» – и пошел в дом сделать несколько звонков.

В семь пятнадцать он медленно затормозил в середине квартала, в том месте, где Роско-бульвар пересекал Сенноа-авеню. Как ему и говорили, на перекрестке в пятидесяти ярдах отсюда находилась бензоколонка. Напротив располагалось низкое здание, мимо которого Худек проезжал множество раз за последние несколько лет, не удостоивая его даже взглядом. Когда он был маленьким, здесь находился ресторан со шведским столом, и он был уверен, что они с родителями несколько раз там обедали. Потом ресторан закрылся, уступив место магазину ковров, потом автомобильных запчастей, потом еще несколькими разными заведениями, прежде чем превратиться в одно из тех неприметных мест, которые постепенно улетучиваются из человеческой памяти.

– Ну что ж, неплохо, – сказал он, выключая двигатель.

– Ничего хорошего на самом деле, – покачал головой Брэд.

На этот раз он сидел на пассажирском сиденье. Соня Пит был в другой машине, со Стивом Веркайленом, четвертым членом их команды. Их машина стояла на углу возле бензоколонки, и Брэд мог видеть ее капот. Впрочем, это не слишком его успокаивало.

Пистолет лежал под сиденьем Брэда, но и это не помогало. Отчего-то он подозревал, что сегодня вечером оружием в конце концов придется воспользоваться, и ничего хорошего в этом не было. Пистолет лежал в машине не для того, чтобы его применять, а лишь затем, чтобы другие знали о его существовании. Только однажды они обстреляли фасад дома одного типа в качестве предупреждения, удостоверившись, что того нет дома. Воспользоваться же пистолетом по-настоящему – совсем другое дело. Присутствие оружия больше не придавало Брэду хотя бы минимальной уверенности, и ему казалось, будто он ощущает исходящий от него холод сквозь сиденье. Будто пистолет просыпается, потягивается, прихлебывает кофе и спрашивает: «Ну что, приятель, как по-твоему, для чего я здесь?»

При мысли о том, что под сиденьем Худека спрятан еще один пистолет, становилось только хуже. Рядом лежала сумка с деньгами.

Брэд закурил, надеясь, что хотя бы это что-то изменит.

– Спереди все заперто и заколочено. Как ты собираешься войти?

– Через заднюю дверь.

– Ты и в самом деле туда собрался?

– Да, – ответил Худек. – И мы пойдем вместе.

– Ли, послушай... Тебе же специально сказали, чтобы ты пришел один, что они станут делать, если мы появимся вдвоем?

– Вот именно это мы и намерены выяснить.

Брэд хотел было ответить, но, встретившись со взглядом Худека, понял, что сказать нечего. Ему некуда было деваться – он задолжал немалую сумму денег, и Худек был единственным, от кого он мог их получить. Если бы он сейчас просто открыл дверцу и ушел, его ждало бы незавидное будущее: без наркотиков, денег и какого-либо места в жизни.

– Я мог просто взять тебя с собой, как обычно, – сказал Худек. – Не говоря тебе ничего о том, что сказали мне. Но я не стал ничего скрывать.

– Ладно, – пробормотал Брэд. – Ладно.

Худек посигналил Питу и получил ответный сигнал. Соня и Стив вышли из машины и направились через перекресток. Ли и Брэд подождали, пока вокруг станет достаточно безлюдно, вышли, достали пистолеты и быстро засунули их сзади за джинсы. Оба накинули куртки. Худек взял сумку с деньгами в левую руку. Можно было идти. Просто двое парней на прогулке. Ничего особенного.

«О да, – подумал Брэд, ощущая легкую тошноту. – Мы чертовски хитрые. Обалденно круто. Разве что-то может пойти не так?»

Он последовал за Худеком через дорогу, подняв голову и стараясь шагать как можно более непринужденно. Они пересекли небольшую площадку перед зданием и направились вдоль его правой стороны. Узкий проход вел к другой, более широкой площадке позади дома. Она была пуста, если не считать лежавшего у ее края смятого куска потертого брезента. В дальнем конце находилась низкая кирпичная стена, о чем Худек, проезжавший здесь два часа назад, уже знал. По другую сторону этой стены, спрятавшись за ржавым мусорным контейнером, должны были стоять Пит и Стив.

Дойдя до середины площадки, Худек остановился. Он вынужден был признать, что место выбрано удачно. Хорошо освещенное, но полностью невидимое с дороги. В длинной задней стене здания виднелась дверь, но он не пошел прямо к ней. Он стоял, неторопливо оглядываясь и прислушиваясь, словно хищник на своей собственной территории.

Брэд восхищался его хладнокровием. И очень, очень надеялся, что все будет хорошо.

– Мы же говорили, чтобы ты пришел один.

Сердце Брэда едва не выскочило из груди. Голос раздался сзади. Конечно же.

– Повернитесь, – произнес голос. – Медленно.

Повернувшись, Худек и Брэд увидели троих, стоявших в четырех ярдах от них. Все подтянутые, темноволосые, темноглазые. Вероятно, они ждали, когда парни выйдут из-за угла здания, а затем тайком следовали за ними. О господи.

Брэд узнал лишь одного из них – Эрнандеса, с которым они постоянно общались. Ему было около тридцати, и лицо его напоминало бывший в употреблении топор. Он посмотрел на Худека и покачал головой.

– Мы же говорили, чтобы ты пришел один, – повторил он с той же интонацией, что и в первый раз.

– Я слышал, – ответил Худек. – Еще ты сказал, чтобы я у тебя отсосал, и этого я тоже делать не собираюсь.

Эрнандес выпятил губы и рассудительно кивнул, словно оценивая качество реплики, будто он был всего лишь отрицательным героем компьютерной игры «Большая автомобильная кража VII», только что получившим возможный ответ номер три.

Он повернулся к стоявшему справа от него и снова кивнул. Тот кивнул в ответ. Оба посмотрели на Худека и кивнули еще раз.

Мгновение чересчур затянулось, и Брэду становилось по-настоящему страшно.

– Ты говорил, что мы встретимся внутри, – сказал Худек. – Какого хрена вы здесь делаете? Какого черта вы крались за нами?

– Чтобы проверить, что ты следуешь указаниям, – ответил Эрнандес.

– Ты всерьез думал, будто я собираюсь им следовать?

– Мы надеялись.

– Жизнь полна разочарований, чувак. Смирись с этим. Может, все-таки закончим? Я и так уже сегодня полдня ждал тебя впустую в Долине.

– Возможно, мы найдем другого богатенького парнишку для наших дел. Который будет поступать, как ему скажут, – как и подобает хорошему мальчику.

– Слушай, ты чего-то и впрямь не понимаешь, – сказал Худек, театрально качая головой. – Ты что, думаешь, будто мы прямо тут что-то у вас возьмем? Да ни за что.

– В самом деле?

Теперь Эрнандес снова улыбался.

Брэду не понравилась его улыбка. Она была слишком неубедительной. Брэд вдруг понял, что один из стоявших рядом парней держит в опущенной руке пистолет. Возможно, оружие было у него с самого начала, просто Брэд настолько нервничал, что не заметил.

«Забери у них товар, Ли, – умоляюще подумал он. – Пожалуйста, Ли, давай просто заберем товар и смоемся отсюда».

– Пит, – внезапно громко сказал Худек. – Не подойдешь к нам?

Последовала долгая пауза. Соня Пит так и не появился из-за угла большого металлического сооружения.

Брэд в отчаянии посмотрел на Худека и впервые увидел в его взгляде некоторое замешательство.

– Стив, – позвал Худек.

Снова тишина, нарушаемая лишь сигналом автомобиля на перекрестке, слышавшимся словно из другого мира. Эрнандес наклонил голову.

– Пит? Стив? Кто это такие? Еще одни непрошенные гости? Еще какие-то крысы из Долины?

Худек промолчал, не отводя взгляда от мусорного контейнера.

Эрнандес снова посмотрел на стоявшего справа.

– Ребята, вы знаете каких-нибудь Пита или Стива? Не встречали таких?

– Угу, – ответил тот. – Кажется, встречали.

Он подошел к большому куску брезента возле стены и приподнял один его угол.

Брэд уставился на лежавших под брезентом Пита и Стива. Их рты были заклеены серебряной клейкой лентой, так же как, видимо, руки и ноги, поскольку они не шевелились. По крайней мере, это могла быть одна из причин, по которой они лежали неподвижно.

Парень снова опустил брезент.

– Вам не стоило этого делать, – сказал Худек ровным и бесстрастным голосом. Он сунул правую руку под куртку. – Явно не стоило.

– Тебе следовало прийти одному.

– Развяжите их.

– Пошел к черту.

Худек вытащил руку с пистолетом.

– Я сказал, развяжите их.

Некоторое время они обменивались репликами, но Брэд почти ничего не слышал. В голове у него непрерывно звучал голос, заглушавший все остальное.

«Мне двадцать лет, – бубнил голос. – Слишком рано. Это очень мало. Я думал, что я уже взрослый, но ошибался. Я больше не хочу заниматься сексом, принимать наркотики или

пить пиво. Я не хочу быть здесь. Я хочу сидеть дома, смотреть “Секретные материалы” и есть мороженое. Я хочу, чтобы мне снова было десять лет».

– Ну и дерьмо же ты, – сказал Худек.

Брэд снова обрел способность воспринимать окружающее. Пистолеты в руках незнакомцев были направлены на него и Ли. Все было очень, очень плохо, но Брэд знал, чего от него ждут, и вытащил свой пистолет. Теперь уже точно не могло случиться ничего хорошего. Пятеро с пистолетами. Считайте сами.

Худек поднял пистолет, нацелив его прямо в грудь Эрнандеса. Тот даже не дрогнул, и Худек впервые обрел полную уверенность в том, что этому человеку уже приходилось убивать, и не однажды. Худек обладал ясностью ума, на которую Брэд не мог даже и надеяться, но в это мгновение мысли у них были практически одни и те же. Вот и все. Вот теперь все стало окончательно ясно.

– Ладно, – сказал он. – Если по-другому никак...

Сзади послышался громкий щелчок, затем мягкий стук, словно от удара дерева по кирпичу.

Худек увидел, что взгляд Эрнандеса сместился в сторону. Они с Брэдом обернулись.

Дверь в задней стене здания была открыта нараспашку. На пороге стоял человек в деловом костюме.

– Да заходите же, – сказал он. – Ради всего святого. Мы ждем.

Брэд был застигнут врасплох не меньше, чем Худек, и не мог произнести ни слова. Только Худек сумел обрести дар речи, но и то с трудом. Он даже не заметил, как Эрнандес, воспользовавшись замешательством, стукнул Брэда по затылку, и не услышал, как его друг безвольно осел на асфальт.

Он просто смотрел, раскрыв рот, на человека в дверях – целых пять секунд, а потом наконец произнес:

– Мистер Рейнольдс?

Глава 04

Внутри здания было темно и жарко. Единственным источником света служила висевшая под потолком голая лампочка, освещавшая остатки прежних его воплощений – груды покрывшихся плесенью свернутых ковров, неопределенного вида автомобильные запчасти, какой-то продолговатый механизм, который, как показалось Ли Худеку, использовался на кухнях ресторанов. Пахло пылью и теплом.

Он проследовал за мистером Рейнольдсом через большое помещение, по коридору, а затем они прошли еще в более просторный и темный зал, занимавший всю оставшуюся часть здания. Мистер Рейнольдс неожиданно шагнул в сторону, явно предлагая Ли идти дальше самому. В дальнем конце зала виднелся свет – вероятно, туда и следовало направляться.

На мгновение у Худека возникла мысль развернуться и попытаться силой прорваться назад, но это не имело никакого смысла. Брэд все еще лежал на площадке, так же как и Пит со Стивом, и кто знает, что могли сделать с ними Эрнандес и его подручные. Да и собственное будущее тоже было Худеку неизвестно.

Впрочем, в ближайшее время все прояснится.

Он направился прямо в темноту. В столь большом помещении от его шагов должно было раздаваться эхо, но почему-то этого не происходило. Возможно, звук заглушали кучи мусора, невидимые во мраке. Возможно, просто было чертовски жарко. Казалось, будто воздух застыл неподвижно, настолько, что его можно было пощупать, и поглощал любые звуки. А может быть, и людей тоже.

Свет исходил от единственной лампы, стоявшей на свободном участке пола. Казалось, ее позаимствовали из дешевого мотеля или какого-то фильма – высокая деревянная стойка с большим абажуром, который когда-то был белым, а теперь стал тошнотворно-серым от пыли. Рядом стояло большое потертое кресло, цвет которого невозможно было разобрать даже при хорошем освещении. В кресле сидел человек.

– Привет, Ли, – сказал он. – Помнишь меня?

Худек остановился футах в двадцати от него – не потому, что так полагалось по протоколу, но скорее потому, что по каким-то необъяснимым причинам ему не хотелось подходить слишком близко.

Незнакомец был одет в темный костюм и темную рубашку. На вид ему было чуть меньше сорока, он был хорошо сложен, хотя и несколько худ, с коротко подстриженными волосами и бледной кожей. Резкий свет не позволял отчетливо разглядеть черты лица, но Худек не сомневался, что никогда раньше не встречал этого типа. Чем-то он напоминал крупного пса неопределенного темперамента, настороженно сидящего в кресле. Готового отправиться на прогулку. Или пообедать.

– Нет, – ответил Худек.

– Хорошо.

Незнакомец какое-то время молча его разглядывал. Взгляд его ничего не выражал, словно Худек был всего лишь картиной, для которой он искал подходящее место. Вероятнее всего, в задней комнате или в коридоре, где свалены старые пальто и сломанные теннисные ракетки.

– Так как твои дела, Ли?

Худек пожал плечами.

– Да знаете ли, неплохо.

– Хорошо. Это хорошо. Садись.

Худек в замешательстве посмотрел на незнакомца, затем понял, что тот куда-то показывает левой рукой. Повернувшись, Ли увидел, что прямо позади него появился деревянный стул. Ему ничего не оставалось, кроме как сесть.

В руке он все еще держал сумку с деньгами, предназначенными для оплаты сделки, которой, судя по всему, не суждено было состояться. Он поставил сумку на пол. Сердце колотилось так, словно кто-то стучал по его груди молотком, пусть и не в полную силу, но вполне достаточно, чтобы прогибались ребра.

– Тебя просили, чтобы ты пришел один, – сказал незнакомец, словно только что вспомнив некую незначительную мелочь. – Ты этого не сделал. Почему?

Худек снова пожал плечами.

– Просто мне это показалось не слишком удачной идеей.

– Понимаю. Те, у кого ты покупаешь товар, просят принести деньги без какой-либо охраны, к тому же начали что-то крутить со временем, и ты заволновался, верно? И ты подумал: черт побери, возьму с собой пару приятелей и не буду делать то, что мне приказали. Я ведь мужчина, в конце концов. Я Ли Гион Худек.

– Именно так, – с энтузиазмом кивнул Худек, радуясь, что наконец ощутил под ногами твердую почву.

Кем бы ни был этот тип, он явно его понял.

– Если ты сделаешь так еще раз, – продолжал незнакомец, – если ты не подчинишься распоряжениям, сколь бы сложными или простыми они ни были, полиция никогда не найдет твою голову. Я убью тебя и всех, кто когда-либо был тебе близок, причем на этом твои проблемы лишь начнутся. Понятно?

Худек тупо уставился на него.

– Ты понял?

– Черт возьми, да. Конечно. Я понял вас, в самом деле понял. Извините.

– Отлично, – кивнул незнакомец, и вид его снова стал дружелюбным. – Понимаешь, Ли, это действительно очень важно, поскольку я должен чувствовать, что могу тебе доверять. Мы оба должны это чувствовать, ясно?

– Конечно, конечно, – сказал Худек, быстро кивая в знак согласия. Он уже, похоже, не сомневался, что жить ему осталось недолго. – Но... когда вы говорите «мы», кого вы имеете в виду? Просто я думал, что Эрнандес...

Незнакомец ничего не сказал, лишь поднял лежавшие на подлокотниках руки и повернул их ладонями вверх.

Из темноты появились четверо – двое среднего возраста, двое намного моложе. В каждой группе один был одет весьма вызывающе, второй – так, что его никто бы не заметил в толпе.

– Мы те, у кого вы покупаете наркотики, – сказал незнакомец. – Через Эрнандеса мы распространяем их среди других. Добро пожаловать на следующий уровень, Ли.

Потребовалось около минуты для того, чтобы сердце Худека вновь начало биться в более или менее нормальном ритме. За это время четверо опять куда-то исчезли, и он снова остался наедине с сидящим в кресле.

– Скажи что-нибудь, – сказал незнакомец. – Есть у тебя какие-нибудь мысли?

Худек замялся. Что он имеет в виду?

– В смысле...

– Ты хорошо справляешься со своей работой. Нас это радует. Оборот у тебя неплохой, хотя в глаза особо и не бросается. Это все, чего бы тебе хотелось? Предел твоих мечтаний?

Худек снова поколебался. Теперь он полагал, что понял, о чем его спрашивают, но ему не хотелось ошибиться.

– Ну... да, я кое о чем думал.

– Почему бы тебе не сказать мне, о чем именно?

– У меня есть план. – Худек глубоко вздохнул. – Каждый год миллионы ребят отправляются на весенние каникулы, верно? Особенно во Флориде. С каждым годом туда съезжается все больше народу, мероприятия спонсирует крупный бизнес, Эм-ти-ви и все такое прочее. В этом году я ездил в Панама-сити, и у меня возникли кое-какие мысли. В сезон, с марта по апрель, туда приезжают четыреста – пятьсот тысяч молодых людей. Они хотят пива, они хотят футболок с порнухой, они хотят трахаться. Они хотят наркотиков – даже если сами еще об этом не знают. Конечно, достать наркотики не проблема, но все это не организовано как следует, и можно сделать лучше. Намного лучше.

– Понимаю, – сказал незнакомец. – И ты думаешь... почему только Ай-би-эм или Эй-ти-энд-ти делают деньги на этих молодых тиграх? Если американский бизнес превратил весенние каникулы в источник дохода – почему бы и Ли Гиону Худеку не поступить так же, выйдя на этот рынок?

– Именно так. У вас тут надежная команда, хорошо сработавшаяся, и вы могли бы сбыть огромную массу наркотиков. И я хочу быть одним из вас.

Слово было сказано.

Его план стал достоянием других. Худек никогда раньше не говорил об этом вслух и теперь почувствовал себя еще увереннее.

– Это действительно мысль, – сказал незнакомец. – Но она не слишком оригинальна, к тому же с ней связаны три проблемы. Сейчас я тебе все объясню, хорошо?

Худек кивнул, сразу же почувствовав, как его душа уходит в пятки.

– Первая и самая большая – копы. Конечно, во время каникул и сейчас работает немало дилеров, но это все мелкие рыбешки, откупающиеся взятками от местных законов. Весенние каникулы – время большого бизнеса, Ли. Город может заработать за сезон до четверти миллиарда долларов, в зависимости от того, скольких жаждущих пива придурков он сможет заманить в свои ночные клубы и бары. Конечно, в любом городе хорошо известно о торговле наркотиками, это часть жизни, и все это понимают. Но если подобное выплеснется на первые полосы газет – для этого города все кончено. Задача служителей закона состоит в том, чтобы не допустить подобного, но вместе с тем они тоже думают о своей безбедной старости. Ты знаешь многих флоридских полицейских, Ли? У тебя есть связи? У тебя есть опыт подкупа высокопоставленных офицеров?

Худек покачал головой.

– Я так и думал. Вторая проблема – поставки. Даже если тебе удастся подмазать полицейских и поставить на нужные места своих людей – а это тебе в любом случае потребуется, так же как хорошие средства связи и транспорта, а также надежные хранилища, в чем, возможно, копы даже сумеют тебе помочь, – перед тобой сразу встанет вопрос товара. Как ты собираешься его оплачивать? Не знаю, сколько твоих карманных денег лежит в этой сумке, но они явно не покроют расходов.

Худек знал, что это самое сложное.

– Я думал, – сказал он, – что можно каким-то образом расплатиться после продажи.

– Кто-то одалживает тебе наркотики, а если ты не сумеешь их продать, то возвращаешь назад вместе со своей распиской и их десятью процентами? И при этом они закрывают глаза на недостачу, на таблетки и кокаин, которые твои ребята употребили сами или в обмен на то, чтобы потрахаться на пляже? Ты в самом деле так думал?

Худек пожал плечами, чувствуя, как к лицу приливает жар. Конечно, это было глупо.

Человек в кресле даже не улыбнулся, но откуда-то сзади послышался смешок. Даже не один.

– И наконец, – сказал он, – где, собственно, ты намерен найти подобных альтруистов-благотенителей? Стоит тебе начать искать хоть какие-то связи на юге, ребята из Майами тебя на куски порвут, прежде чем ты успеешь раскрыть рот.

– Значит, это была просто дурацкая идея, – упав духом, сказал Худек и посмотрел на свои руки.

– Нет, Ли. Это как раз хорошая идея. Подобное отчасти происходит уже сейчас. Но ты прав, все делается совсем не так. Тебе понадобится надежный и крупный источник поставки наркотиков, а также способ для отмывания полученных денег. Тебе потребуется вспомнить свои прежние отношения с силами правопорядка, а также определенные средства, чтобы их освежить. Тебе будет нужен тот, кто поможет тебе избежать глупых ошибок и не даст ударить в грязь лицом. Иными словами, тебе потребуются серьезные покровители.

Худек поднял взгляд. Незнакомец пристально смотрел на него.

– Покровители, которые будут тебе доверять, которые будут знать, что на тебя можно положиться. Которые будут знать, что ты всегда делаешь то, что тебе говорят.

Худек кивнул, не решаясь произнести хоть слово.

– На самом деле твоим покровителям может потребоваться, чтобы ты и твоя команда доказали, на что вы способны; они могут сперва попросить тебя об одной или двух услугах, чтобы ты продемонстрировал свою лояльность. Понимаешь?

– Думаю, да, – ответил Худек. – Чего вы хотите?

Незнакомец улыбнулся.

– Вовсе не обязательно заниматься этим прямо сейчас. Чуть позже.

Он некоторое время смотрел на Худека, затем кивнул.

– Рад был снова тебя видеть, друг мой. Когда будешь уходить, тебе дадут то, за чем ты пришел. На этот раз можешь забрать деньги с собой, как жест нашей доброй воли. Раздай их своим ребятам. Порадуй их. Насчет всего остального – потом.

Худек встал.

– Я буду работать вместе с вами? Я имею в виду, напрямую?

Незнакомец покачал головой, и Худек ощутил некоторое облегчение.

– У меня хватает и других дел. Ты будешь работать с Эрнандесом. Будь хорошим мальчиком. Смотри и учись. Набирайся опыта, в будущем тебе это пригодится.

Он подмигнул. Худек рискнул улыбнуться.

Незнакомец едва заметно повел головой. Поняв намек, Худек повернулся и пошел прочь.

Мистер Рейнольдс, ждавший Ли в коридоре, повел его обратно через зал со свисавшими с потолка лампочками. Худек ощущал головокружение, дрожь и эйфорию одновременно, не в силах поверить, что впереди него шагает отец Стэйси и Джона Рейнольдсов. Мысль о том, что его присутствие здесь выглядит, мягко говоря, странным, даже не пришла Худеку в голову, пока он общался с человеком в кресле – тот явно обладал талантом полностью завладеть вниманием собеседника.

Когда они подошли к выходу, мистер Рейнольдс остановился.

– Никому не говори, что видел меня здесь, – сказал он. – Я иногда даю юридические консультации, только и всего. На это я имею полное право.

– Конечно, мистер Рейнольдс.

– И постарайся, чтобы Брэдли тоже это понял.

– Обязательно. Он сделает так, как я скажу.

Мистер Рейнольдс кивнул.

– В этом я не сомневаюсь. Боюсь, пистолеты вы назад не получите. – Он протянул руку куда-то в тень и достал небольшую ярко-красную сумку с белой эмблемой «Найк». – Но это – вам.

Худек приоткрыл молнию сумки и увидел внутри то же, что и всегда, но в большем количестве, чем обычно. Он даже не смог сразу сообразить, какой с этого можно получить доход.

– Спасибо, – сказал он.

– Не за что, Ли. Но если я хоть раз услышу, что ты продаешь эту дрянь моим детям, ты пожалеешь о том дне, когда родился.

Он повернулся и ушел.

Худек прошел последние несколько ярдов и, открыв дверь, вышел на площадку.

Было еще светло, что его несколько удивило. Посмотрев на часы, он обнаружил, что прошло всего тридцать пять минут с тех пор, как они сюда приехали. Невероятно.

Посреди площадки стояли трое. Его друзья.

Он подошел к ним. Брэд выглядел слегка обеспокоенным. У Пита и Стива остались красные пятна на лицах в тех местах, где были заклеены их рты. Все потрясенно молчали, нервно затягиваясь сигаретами. Худек на мгновение пожалел, что не может последовать их примеру.

– Нам велели ждать здесь, – сказал Пит. – Эрнандес и те двое подонков. Они... не знаю, они какое-то время ждали вместе с нами, а потом... просто свалили. И вообще все это чертовски странно, чувак.

Брэд моргнул, приходя в себя. Увидев сумки в руках Худека, он нахмурился.

– Получил товар?

– Да.

– И у тебя... остались деньги.

– Верно. Можно считать, премия. Все нормально.

Брэд покачал головой. Казалось, его мозг нуждался в перезагрузке.

– Тогда... что, черт побери, все это значит?

– Все нормально, – повторил Худек. – Это все, что я знаю.

Он направился вдоль стены здания в сторону дороги. На самом деле Ли не был уверен в том, что, собственно, только что произошло. Он знал лишь, что, пройдя через это, стал сильнее и имел теперь дело с профессионалами совершенно другого уровня. Чего ему точно не следовало делать, так это недооценивать тех, с кем он только что познакомился. Особенно человека в кресле. Его угрозы можно было воспринимать как способ подчеркнуть свою мысль, придать словам больший эффект, как обычно бывает в кинофильмах. Однако Худек не верил, что в данном случае дело обстоит именно так. Он считал, что незнакомец имел в виду в точности то, что сказал, намерен следовать собственным словам и, возможно, даже кое-что недоговаривал.

И он все так же не помнил, чтобы когда-либо встречал этого человека.

– Я так и знал, что сегодня должно случиться нечто странное, – сказал Соня, потирая запястья.

– Пит, – буркнул Брэд, – заткнись.

– Нет, серьезно. Мне сегодня под утро приснился странный сон. Будто я в торговом центре и пошел в «Макдональдс» пообедать. Хотя была вроде как ночь, поскольку за окнами было темно, но ощущение такое, будто я собирался именно пообедать. И вместо того, чтобы купить гамбургер или что-нибудь вроде того, я попросил салат, что, согласитесь, чертовски глупо.

– Просто удивительно, – сказал Брэд. – Прямо на первую полосу. В заголовки Си-эн-эн. Да ты просто бредишь, брат.

– Вовсе нет. Да, я попросил салат, но салат мне не дали. Мне дали большой пакет жареной картошки. А картошку я просто обожаю, но тогда мне ее не хотелось. Мне хотелось этого чертова салата. И я сказал: «Слушай, чувак, принеси салат, какие проблемы?» А тип за стойкой просто улыбнулся, и он не был похож на обычную службу – намного старше, седой, крупный и почему-то немного страшный. Он забрал у меня картошку и дал закрытый пакет. Я отошел и вдруг неожиданно оказался на стоянке. Открыл пакет и увидел, что там все равно нет никакого салата.

– И что же там было? – неожиданно для самого себя спросил Брэд.

Худек не обращал на них внимания, глядя вдоль улицы на Долину и наслаждаясь мгновением. Именно здесь и сейчас его жизненный путь поднялся на следующую ступень. Ему уже трудно было поверить в то, что произошло внутри здания, – случившееся скорее напоминало сон или фрагмент из телесериала, но сумки в обеих его руках свидетельствовали об обратном.

– Яблочный пирог, – сказал Пит. – Я не собирался возвращаться обратно, так что просто открыл пакет и откусил кусочек. Но начинка оказалась ярко-красной. И он был чертовски холодным.

Брэд уставился на него.

– И это все?

Неожиданно у всех сразу начали звонить мобильные телефоны.

– Ладно, – сказал Худек. – Заказчики начинают беспокоиться. Поехали.

Внутри здания четверо снова вышли из тени. Кто-то щелкнул выключателем, и помещение залил яркий свет.

– Он вполне подойдет, – сказал человек в кресле, вставая и медленно потягиваясь. – Но все-таки прощупайте его. А потом – можно действовать.

Глава 05

Джим сидел за столиком у окна в заведении под названием «У Марши», в Южной Каролине. Он ехал по шоссе номер 95 до самой Саванны, а затем в пятнадцати милях севернее свернул на дорогу номер 321. В течение всего пути из Ки-Уэста он двигался не слишком быстро и уже потратил на день больше, чем предполагал. Всю дорогу на север он ехал в правом ряду – всего лишь еще один седой мужчина в старой машине, из тех, мимо кого обычно проносишься на полной скорости. Сперва это было отчасти связано с тем, что прошло немало времени с тех пор, как он совершал подобную поездку, – за последние восемь лет он редко садился за руль, если не считать местных рейдов по магазинам. Однако вскоре он снова привык к ощущению уносящейся назад под колесами дороги и уже не мог винить в том, что едет достаточно медленно, собственную осторожность. Так же, впрочем, как и собственное упрямство, хотя и оно оказывало некоторое влияние.

В небе собирались густые тучи. Был всего лишь шестой час, но уже начало темнеть. Судя по разговорам у стойки, которые Джим без каких-либо усилий мог расслышать, к вечеру ожидался серьезный дождь, и это время как раз приближалось.

Подошла официантка и, не спрашивая, налила ему еще кофе. Он улыбнулся, и она улыбнулась в ответ, а затем ушла обслуживать других. Джим смотрел, как удаляется ее отражение в подставке для салфеток. Волосы ее были выкрашены в странный мертвенно-белый цвет, и будь она холодильником, внутрь поместилось бы немало продуктов. И тем не менее в ней было нечто привлекательное, каким бы странным это ни казалось. Умелые руки и приятный характер значат куда больше, чем думают многие. С некоторым удивлением Джим вдруг понял, что прошло десять с лишним лет с тех пор, как он последний раз занимался сексом, и мысль об этом не принесла ему ничего, кроме облегчения.

Размешав в кофе ложку сахара, он посмотрел в окно. Пора было делать выбор. До сих пор он тащился с черепашьей скоростью, словно путь на север означал для него преодоление крутого склона, с которым его автомобиль едва мог справиться. Теперь же его отделял от первого пункта назначения лишь час с небольшим, и пора было перестать притворяться. Путь его был предопределен – если только он не остановится прямо сейчас. Предстояло проехать еще немало миль, но их оставалось все меньше. А сейчас – лишь небольшой перерыв. И если уж он собирался кое-чего не делать – пора было начинать.

Ощущение пустоты и напряженности в желудке вполне могло быть вызвано обычным голодом. Бросив взгляд на прислоненное к подоконнику меню, он в очередной раз отверг его содержимое, хотя и знал, что нужно что-то съесть. Через два столика от него кто-то недавно заказал сэндвич с солониной, и от него великолепно пахло – слегка поджаренным хлебом, теплой кислой капустой и густым соусом, именно так, как когда-то нравилось Джиму. У него всегда были весьма специфические вкусы. Возможно, если бы он поел, то неприятные ощущения прошли.

Хотелось ли ему этого?

Он не знал. В самом деле не знал.

Так что он просто сидел и потягивал кофе, пока тот не закончился, а потом вышел, оставив доллар чаевых к счету в полтора доллара и надеясь, что они достанутся той самой официантке.

Вернувшись к машине, он заметил сумку на пассажирском сиденье, что на мгновение привело его в замешательство. Ну конечно. Он почти забыл о ее содержимом, которое купил чуть южнее Джексонвиля. Кроме того, он приобрел и кое-что потяжелее, еще до того, как покинул Ки-Уэст, и, по его мнению, это означало, что решение принято.

Впрочем, решение уже приняли за него. Планета вращается, сердце бьется, и кровь течет независимо от того, что ты об этом думаешь.

Через восемьдесят миль он свернул в сторону Бенборо. Чуть позднее он ошибся развилкой, и пришлось возвращаться немного назад. Он не слишком хорошо знал здешние места, и в любом случае тут не слишком стремились облегчить жизнь посторонним. Люди бывали здесь лишь проездом. То и дело попадались поросшие лесом участки, но в основном по обе стороны дороги тянулась плоская равнина.

После Бенборо стало проще – из города вела лишь одна дорога. Еще через милю с правой стороны показался большой покосившийся знак. В последний раз, когда Джим его видел, он был светло-зеленым, но за прошедшие годы его перекрасили в красный цвет – судя по его состоянию, довольно давно. Похоже было, что это сделал некто, с трудом различавший очертания букв, не говоря уж об их значении.

«Бенборо-парк» – гласила надпись.

Он съехал на обочину и свернул на подъездную дорогу. Он знал, что здесь ничего не изменилось – звонки, которые он, повинаясь некоему импульсу, совершал каждые пару лет, подтверждали, что кто-то все еще отвечает по телефонному номеру трейлерного парка. Он не пытался выяснять, та ли это пожилая женщина, с которой он был знаком, или удостовериться, что парк все еще работает. Там жили люди, и жили уже много лет. Не существовало никаких причин для того, чтобы он вдруг исчез, поставив несколько десятков семей, пожилых пар и одиночек перед лицом неизвестности. Сам город Бенборо практически не развивался, и в ближайшее время никто не собирался строить в его окрестностях жилые кварталы или деловой центр.

И какое, собственно, было ему до этого дело?

Но тем не менее каждые два года он туда звонил.

Дорога шла по кривой, которая, возможно, выглядела достаточно изящно на первоначальном плане, когда-то нацарапанном на конверте в проектной конторе, но в реальном мире просто тянулась вдаль, ничем не радуя глаз.

Проехав полпути, можно было увидеть разбросанные вокруг шестьдесят с лишним трейлеров различной формы и степени изношенности. В отличие от большинства подобных мест дорожки, вдоль которых они стояли, не образовывали простую сетку. Видимо, составитель плана обладал своеобразным художественным вкусом. С точки зрения Джима, это затрудняло поиски конкретного обитателя стоянки, что, вероятно, имело как положительные, так и отрицательные стороны.

К счастью, он точно знал, куда ехать. На дальней стороне парка, там, где группа деревьев отмечала начало полосы неиспользуемой земли шириной в сорок ярдов, которая вела к берегу ничем не примечательной речки, стояли в ряд четыре невысоких деревянных строения, очень больших и ветхих. Два из них использовались под склад старого хлама и разных материалов для ремонта. Остальные были разделены на складские помещения, сдававшиеся внаем.

У въезда в парк Джим остановился. Два серых металлических шеста с висевшей между ними на высоте трейлера вывеской подтверждали, что это действительно Бенборо-парк, а не фешенебельный район, рай или лучший из всех возможных миров. По другую сторону от въезда дорога разветвлялась, и в центре развилки стоял трейлер, покрашенный в такой же красный цвет, как и табличка на шоссе. Это было место номер один, и там жила женщина, заведовавшая парком. Ее звали Ханна – если, конечно, предполагать, что она до сих пор жива.

Он вышел из машины. На небе сгустились угольно-черные тяжелые тучи, но дождь все еще не начинался. Джим надеялся, что дождь все же рано или поздно пойдет, хотя бы ради сидящих за стойкой «У Марши» стариков, для которых он, похоже, казался выдающимся событием. Хотя ливень наверняка испортил бы удовольствие маленькой девочке, игравшей на

дороге рядом с трейлером возле правого ответвления дороги. Она что-то тихо напевала себе под нос, и Джиму это нравилось.

Проходя мимо трейлера номер один, он вспомнил историю, которую рассказывал много лет назад. Да, для него только что завершился долгий и тяжелый бракоразводный процесс, и это все, что у него осталось. Не так уж много, но ему хотелось бы, чтобы оно хранилось в надежном месте, подальше от адвокатов и их приближенных. Он ехал в Майами – друг сказал, что, возможно, сумеет найти там для него работу в отеле. Если не получится – можно отправиться в Аризону или в Техас, попытать счастья дальше на западе.

Он постучал в дверь, прислушиваясь к доносившимся изнутри звукам телевизора. После недолгого ожидания дверь открылась.

– Да, сэр?

Это была та самая женщина, которую он помнил. Годы пребывания в заполненном сигаретным дымом трейлере придали ее коже неопределенный цвет. Сухие седые волосы были связаны в неряшливый конский хвост. Она явно понимала, что выглядит крайне непривлекательно, но ее это абсолютно не волновало.

– Здравствуйте, – широко улыбнулся Джим. – Вы ведь Ханна, верно? Не знаю, помните ли вы меня.

– Сомневаюсь. Вы не из парка.

– Верно. Какое-то время назад я арендовал у вас складское помещение. Мне нужно туда попасть.

– Хорошо, – кивнула она. – Какой номер?

– Семнадцать, – ответил Джим, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Она ушла в заднюю часть трейлера, представлявшую собой убогое подобие конторы. Джим знал, что именно сейчас могут возникнуть трудности. Он ждал рядом с трейлером, не отводя взгляда от дороги. Девочка куда-то исчезла.

Через несколько минут вернулась Ханна.

– Вот уж действительно – какое-то время назад, – сказала она. – Прошло двенадцать лет. А вы заплатили только за пять.

– Я слишком задержался, – ответил он.

Она кивнула.

– Вы ведь тогда направлялись в Австралию?

– На самом деле – в Майами.

– И как там? Ничего хорошего?

– Все нормально. Разве что немного жарко.

– Жарко? Только не говорите мне о жаре. Лето просто отвратительное, и до сих пор еще не было дождей. Вы должны мне денег.

Он протянул ей заранее приготовленные банкноты. Она пересчитала их.

– Я не учел инфляцию.

– Тут нет инфляции, – рассмеялась она. – Мы не можем себе такого позволить.

Джим улыбнулся.

– Я бы хотел продлить аренду еще на год, если не возражаете.

– Не возражаю, тем более что вы уже заплатили. – Она протянула ему маленький ржавый ключ. – Всего доброго. Ключ оставьте на пороге.

Дверь закрылась, и на этом разговор окончился.

Проезжая через парк в дальний его конец, он удивлялся тому, насколько легко все получилось. В ту ночь, двенадцать лет назад, он приехал очень поздно и далеко не в лучшем расположении духа. История, которую он рассказал в качестве прикрытия, была шита белыми нитками, и тем не менее Ханна подвезла его обратно до Бенборо, чтобы он смог успеть на автобус до Майами. Он заплатил за пять лет вперед, а потом исчез на почти вдвое больший

срок. Вполне можно было бы подумать, что она... впрочем, не важно. Судя по всему, он просто сделал удачный выбор, справедливо рассудив, что спрос на складские помещения здесь не слишком велик. Или, возможно, она просто давно продала его имущество и теперь сидит у себя в трейлере за запертой дверью, смеясь над его деньгами.

Остановившись возле третьего из больших сараев, он прошел до пятой двери и, отперев ее ключом, вошел внутрь.

Место 17 представляло собой прямоугольное пространство размером десять на двадцать футов. Сразу же стало ясно, что здесь до сих пор находится то, что когда-то оставил Джим.

Стащив брезент, он бросил его на землю, а потом несколько мгновений просто стоял и смотрел. Да, действовать следовало быстрее, но он ничего не мог с собой поделать.

На самом деле то, что находилось на месте номер 17, выглядело весьма прозаически. Старый белый «фольксваген»-фургон, в котором не было ничего такого, что могло бы привлечь чье-то внимание. Спереди имелось большое окно, для лучшего обзора. С боков окон не было, а сзади – еще одно, закрытое толстой черной шторой. Внутри ничего не было видно, но там находились миниатюрная кухня и крошечное спальное отделение сзади, во всю ширину фургона, вполне сносное для человека не высокого ростом и готового спать на боку, слегка подогнув ноги. Собственно, путешественнику ничего больше и не требовалось – по крайней мере, данному конкретному путешественнику.

Вернувшись к своей машине, Джим достал две сумки. Открыв чемоданчик, он сунул руку в коробку из-под обуви и извлек оттуда старый комплект автомобильных ключей. Казалось несколько странным снова держать их в руках вместе с потертым пластиковым брелком, бесплатным подарком с рекламой распродажи восемнадцатилетней давности. С чувством некоей умиротворенности он вспомнил тот день, когда купил фургон. Совсем другая жизнь.

Открыв дверцу со стороны водителя, он бросил ту сумку, что полегче, на пассажирское сиденье, а более тяжелую перенес в заднюю часть машины. Слив из бака остатки бензина, он заправил машину заново, сменил аккумулятор на новый, лежавший во второй сумке, а старый вынес наружу и положил в багажник своего автомобиля.

Пора было проверить, все ли в порядке. Проводка могла отсыреть, а масло наверняка загустело. Все-таки прошло немало времени.

Он сел за руль, чувствуя, как сиденье принимает его в свои объятия, подобно старому другу, вставил ключ и без особых церемоний повернул.

Щелчок – и тишина.

Он снова повернул ключ. Фургон кашлянул, фыркнул, а затем резво ожил. Джим гордо покачал головой, уже не в первый раз восхищаясь надежностью творений инженеров «фольксвагена».

– С возвращением, старая лошадка, – сказал он.

Через десять минут он положил ключи на порог трейлера номер один и подошел к тихо пыхтевшему фургону. Сев за руль, подождал, пока дорогу перейдет пара средних лет. Никто даже не обратил на него внимания. Фургон относительно белого цвета, ничего больше. К тому же Джиму сейчас было за шестьдесят, а в таком возрасте мужчины редко могут многое себе позволить.

Машина, на которой он приехал, стояла на месте 17, закрытая брезентом. Внутри ее лежали вещи, в которых он приехал. Сейчас на нем были черные джинсы и выцветшая джинсовая рубашка, купленная в местном магазине. Подобная одежда не была похожа на ту, которую носил Джим Уэстлейк – она куда больше подходила человеку по имени Джеймс Кайл, учителю, домовладельцу и ничем не примечательной личности.

Девочка снова играла на улице. Джим нахмурился. Кому-то следовало за ней присматривать. На пороге должен был сидеть кто-то взрослый, возможно с банкой пива в руке, но не

выпуская девочку из виду. Обитатели Бенборо-парка наверняка хорошо знали друг друга, но этого далеко не всегда достаточно. С ребенком легко могло случиться нечто дурное. Очень легко. Настолько легко, что мысль об этом вгоняла его в тоску.

Мир должен быть устроен так, чтобы невинные и чистые таковыми и оставались, чтобы каждый мог прожить отведенные ему годы и подойти к своему концу с мыслью: «Что ж, на самом деле все было не так уж и плохо».

Но как часто случалось подобное? Все тратили свое драгоценное время совсем на другое. Вместо того чтобы думать об обустройстве дома и стрижке газонов, о моде на обувь в этом сезоне, о диете или об известности, вместо того чтобы заботиться исключительно об устройстве собственной жизни, людям следовало больше внимания уделять другим. Своим детям, родителям, женам и домашним животным. Людям следовало посвящать свое время и силы защите своих любимых, поскольку, лишь потеряв что-то или кого-то, начинаешь понимать, насколько важными и неповторимыми они были для тебя. Но люди никогда не думают о подобном наперед в силу собственной глупости или просто потому, что в жизни слишком много соблазнов, не оставляющих на это времени.

В числе прочего это являлось одной из причин, по которой он когда-то сделал то, что сделал. Чтобы показать, о чем на самом деле следует заботиться и чему придавать значение.

По крайней мере так он тогда пытался себя убедить. Но это не всегда оказывалось истиной. В данном отношении он ничем не отличался от других. Он считал, что внутри каждого из нас сидят двое, лгущие друг другу. Единственная разница заключается в том, насколько велика и смертельна эта ложь.

Через несколько миль двигатель фургона как следует прогрелся, и машина покатилась быстрее, словно радуясь тому, что вновь вернулась на дорогу. Джим возвратился назад тем же путем, пока не выехал на шоссе номер 321, а затем продолжил дорогу на север навстречу сумеркам, под затянутым грозовыми тучами небом.

Глава 06

Нина стояла посреди леса Рейнорс-вуд, искренне желая, чтобы мужчины наконец замолчали, дав ей возможность сосредоточиться. Утро она провела в полицейском участке Торнтона, где ей пришлось разглядывать бесчисленное множество черно-белых фотографий мертвеца, найденного в шести футах отсюда, причем половина из них явно была лишней.

После того как Олбрич оставил их с Монро и уехал назад в Лос-Анджелес, они почти ни о чем не разговаривали, кроме убийства. По мере того как она раз за разом прокручивала в собственных мыслях те немногие факты, на которые можно было опереться, они все больше разбухали, будто оставленный под дождем хлеб, утрачивая какой бы то ни было смысл.

Монро стоял в двадцати футах ниже по течению ручья вместе с группой полицейских, в который уже раз повторяя одно и то же. Она попыталась отключиться, но тут же услышала другой голос, на этот раз намного ближе.

– Видите те кусты? Вот почему никто не заметил его раньше.

К ней обращался Джо Рейдел, коренастый молодой детектив из управления округа Катбридж, один из тех, кто с прошлого утра расследовал дело об убийстве в Торнтоне. Местным полицейским присутствие криминалистов, похоже, нисколько не мешало, ничего они не имели и против представителей ФБР. Именно Рейдел первым предложил обратиться к ним за помощью.

Складывалось впечатление, что в этом городе не слишком любят неожиданно появляющиеся мертвые тела и будут только рады, если кто-то еще поможет избавиться от этой проблемы. Рейдел был единственным, кто еще не изложил Нине свою версию случившегося, – возможно, если она позволит ему это сделать, то все они наконец заткнутся и дадут ей подумать о своем.

– Понятно, – ответила она.

Лес Рейнорс-вуд тянулся вдоль северной окраины города. Посреди него тек неглубокий ручей, и большая часть земли по берегам превратилась в подобие покрытого лужами болота, над которым кружили тучи комаров. Тело обнаружили в одной из этих луж, в нескольких ярдах от странного бугорка на земле. Из-за кустарника его не было видно с шедшей вдоль ручья тропинки, и Нина несколько мгновений покорно разглядывала то место.

– И тем не менее никто особо не пытался спрятать труп.

– Да. К тому же по этой тропинке часто ходят.

Рейдел показал вверх по склону, где лес становился реже. На вершине возвышенности находилась маленькая площадка.

– Никто не называет ее тропой любви, но на самом деле ее предназначение состоит именно в этом.

– Должна сказать, тут вовсе не так уж и уютно.

– Городок здесь небольшой, так что приходится довольствоваться тем, что есть.

– И никаких следов одежды? Крови?

– Никаких. – Детектив обвел рукой вокруг. – Все завалено листьями, ветками и прочим лесным мусором, но я уверен, что тело никто не трогал до того, как до него добрались наши эксперты. Двое, которые нашли труп, старались держаться от него подальше.

– Судя по состоянию колотых ран на груди и животе, жертва в момент смерти была одета?

– Весьма вероятно. В некоторых ранах обнаружены следы волокон. Хотя две раны в области паха полностью чисты. Так что, возможно...

– ...имело место половое сношение. Верно.

Нина открыла конверт, который держала под мышкой, и достала две фотографии убитого. Первая изображала общий вид, судя по всему именно тот, который предстал глазам обна-

ружившей труп пары. Бледные очертания лежащего в сумерках посреди леса тела выглядели столь нечеткими, что с трудом удавалось определить пол. Тело покоилось на спине, ноги были раскинуты. На животе и груди виднелись раны. Грудь была мужской.

На втором снимке, сделанном с более близкого расстояния, было видно, что голова жертвы отчасти находится под водой и над поверхностью выступают лишь подбородок и нос. Глаза под водой были открыты, так же как и рот. Фотография была достаточно четкой, и безволосые части тела напоминали слишком долго пролежавший на прилавке кусок сырого мяса. Левая рука была откинута в сторону, словно во сне. Правая слегка выступала над поверхностью воды, будто сломанная ветка. Кисть отсутствовала.

– Руку пока не нашли?

Рейдел обреченно покачал головой, с видом человека, который понимает, что уйти отсюда ему придется еще не скоро.

– Чистая работа, – сказала Нина. – Семнадцать колотых ран, плюс ампутация. Однако крови на теле нет. Дождя тоже не было – ни прошлой ночью, ни в течение дня, пока его не нашли.

– Что позволяет предположить – возможно, жертву убили где-то в другом месте, раздели и изуродовали, а затем принесли сюда.

– Время смерти – где-то позапрошлой ночью?

– Верно. Примерно тогда же тело бросили здесь – как считает патологоанатом, основываясь на относительной плотности насекомых и микроорганизмов на теле. И ампутация была посмертной – что объясняет отсутствие крови. Куда проще отрезать человеку руку, когда он уже мертв.

– И все равно это не так-то легко, – сказала Нина, снова просматривая записи.

Кисть руки была отделена двумя или тремя ударами тяжелого острого предмета, а не отпилена.

– А ближайшее место, где можно припарковать машину, – та площадка на склоне? Довольно большое расстояние для того, чтобы тащить труп весом в две сотни фунтов. Особенно женщине.

– На спине трупа имеется несколько ссадин и ушибов. Возможно, его волокли по земле.

– И тем не менее мне бы не хотелось тащить его так далеко, а я ведь занимаюсь спортом. Во всяком случае, занималась.

– Здесь все однозначно завязано на секс, а убитый не был гомосексуалистом. Ему сорок шесть лет, он женат, и у него двое детей.

– Женатые мужчины иногда бывают гомосексуалистами. Или вы тут, на юге, такого не встречали?

Рейдел улыбнулся.

– Мэм, я родился в Вашингтоне. Там можно встретить что угодно, если знать, где искать. Но убитый из тех, кто, по слухам, любил лапать женщин за задницы. Он также был завсегдатаем местных баров – пока никто не подтвердил, что он когда-либо уходил оттуда с женщинами, но он немало времени проводил за разговорами с ними. Включая и тех, кто работал за стойкой, одна даже назвала его озабоченным кобелем. С теми, кто работал в вечернюю смену, мы еще поговорим. Естественно, это вовсе не доказывает, что он не был геем, но искать доказательства – ваша работа. И возможно, вам удастся объяснить происхождение следа от губной помады, найденного на шее жертвы.

– Помимо всего прочего, я попытаюсь найти доказательства того, что это дело рук серийного убийцы, а не обычное убийство, каковым оно в данный момент выглядит.

– Что ж, вы специалист в подобных делах. – Рейдел загасил сигарету и аккуратно убрал окурки назад в пачку. – Пожалуй, пока что я вас покину, агент Бейнэм. Дайте знать, если вам что-нибудь потребуется.

Он направился вниз по склону туда, где стояли остальные. Несколько мгновений спустя Нина услышала смех.

Она повернулась и какое-то время разглядывала склон.

К Джулии Гуликс и Марку Крегеру Нина и Монро отправились вдвоем. Молодые люди жили в Торнтоне, но работали вместе в Оуэнсвилле, ближайшем достаточно крупном городе. Прогулка в Рейнорс-вуд стала для них пятым свиданием, и они еще ни разу не спали вместе. Влюбленные не слишком спешили, возможно, не будучи уверенными в том, что их отношения действительно настолько близки. По сути, они вели себя как дети, хотя давно уже вышли из этого возраста – ему было двадцать девять, ей – двадцать пять.

С ними беседовали в комнате для переговоров компании, где они работали. Оба чувствовали себя весьма неуютно, но Нина решила, что в этом нет ничего удивительного. После трех недель тайных встреч в баре, находившемся в ста ярдах по той же улице, их зарождающиеся отношения, вероятно, были уже ни для кого не секрет. Нине показалось, что Гуликс относится к своей частной жизни примерно так же, как и она сама. После двадцати лет это уже далеко не игра и уж тем более не нечто такое, что следует выставлять напоказ.

Вопросы задавал Монро.

– До какого времени вы оставались в баре?

– Примерно до девяти, – ответил Крегер.

Голос его звучал тихо, на висках проступала ранняя седина.

– Чуть позже обычного, потому что... в общем, недавно у нас вошло в привычку ходить в итальянский ресторан, несколькими кварталами дальше.

– А почему вы не пошли туда в прошлый четверг?

Крегер слегка покраснел, бросил взгляд на Гуликс, а затем уставился в пол.

– Ну... – сказала Гуликс.

У нее были ярко-рыжие волосы и бледная веснушчатая кожа.

– Мы ведь об этом уже говорили?

– Я знаю, – кивнул Монро. – И все же, пожалуйста.

Нина изо всех сил попыталась сдержать улыбку и на какое-то время отключилась. Все это уже имелось в их показаниях, которые сумел вытащить из них Рейдел во время вчерашнего допроса. Большая их часть исходила от Крегера.

Вечер четверга должен был стать для них вечером с большой буквы. Крегер это знал и полагал, что Гуликс тоже знает, хотя никто из них не решался сказать об этом вслух. Встретившись после работы, они, как обычно, отправились в бар на Юнион-сквер. Именно здесь прошли первые три их свидания, а следующие два продолжились в итальянском ресторане, отличавшемся весьма приветливым и дружелюбным персоналом. Свидания со второго по четвертое включительно сопровождалось все более страстными поцелуями, и к пятому стало ясно, что пора переходить к чему-то более серьезному. Никто из них не был уверен, будут ли они ужинать этим вечером, и никто не хотел об этом спрашивать.

Нина готова была побиться об заклад, что в тот вечер две квартиры в Торнтоне были прибраны необычно тщательно. В квартире Гуликс, возможно, даже была застелена чистым бельем кровать. Крегер, скорее всего, не зашел бы столь далеко (может быть, даже не предполагая подобного варианта), но, по крайней мере, в его квартире тоже было чисто.

У обоих наверняка стояла в холодильнике единственная бутылка хорошего вина – но не более того, поскольку оба утверждали, что пьют мало. Покрывала на диванах были расправлены, на полках центральное место занимали самые умные книги. Но все же никто из них не готов был спросить:

«Послушай, почему бы нам не пойти ко мне домой?»

В итальянский ресторан тоже никто не предлагал переместиться, поскольку сытый желудок не способствует... в общем, понятно чему.

Они просто сели поближе друг к другу и немного поцеловались, но место казалось им для этого не слишком подходящим, к тому же от Торнтон их отделяли двадцать пять минут езды, за которыми, возможно, могло последовать продолжение.

Постепенно разговор свернул с общих тем на погоду, мол, сейчас она не такая уж и плохая, и, собственно, почему бы просто не пойти прогуляться? Вполне возможно, осталось не так уж много подходящих вечеров.

Так что они расплатились и какое-то время гуляли по улице, но, честно говоря, в Оуэнсвилле не было ничего такого, на что стоило бы посмотреть. Парочка вскоре вернулась к машине Марка Крегера, а потом назад в Торнтон. Оба думали, что для более близких отношений пока еще немного рановато. И когда они проезжали мимо поворота, всего лишь в полумиле от города, Джулии вдруг пришла в голову идея и она предложила...

– Почему бы нам не остановиться и не пойти прогуляться?

Монро кивнул.

– Вам уже знакома была та тропинка?

– Нет, – ответила Гуликс. – Вернее, да, лес был мне знаком, да и все вокруг его хорошо знают. Днем там гуляют многие семьи. Но я никогда... не бывала там вечером.

– Я тоже, – сказал Крегер.

«Ну как же, конечно», – подумала Нина.

– Но местные жители пользуются этой тропой постоянно?

Гуликс и Крегер кивнули.

– И вы прошли немного, а потом остановились, и именно тогда мистер Крегер заметил что-то в кустах?

Крегер послушно описал, как они прошли около сотни ярдов от парковки, а потом вдоль ручья. Он посмотрел вперед, обнимая мисс Гуликс, и увидел на земле нечто бледное, с вытянутой рукой. Они подошли ближе, поняли, что именно обнаружили, а потом по мобильному телефону вызвали полицию.

Четыре часа спустя каждый из них вернулся в одиночестве к себе домой. В конечном счете вечер четверга так и не оказался для них тем самым вечером. Нина полагала, что теперь, вероятно, он на некоторое время отложится – все-таки образ мертвого тела не так-то легко стереть из воспоминаний. Крегер до сих пор испытывал тошноту, вспоминая об этом.

– Труп опознали, – сказала Нина. – Это местный житель по имени Ларри Уидмар. Кто-нибудь из вас его знает?

Оба отрицательно покачали головой, и на этом разговор закончился.

На обратном пути в Торнтон Нина, которой неоднократно приходилось ездить вместе с Монро, отметила, что предпочтительная для него скорость снизилась как минимум процентов на десять. Видимо, ранение до сих пор давало о себе знать, и он не хотел рисковать, словно его тело постоянно посылало некие сигналы, требуя осторожности. К тому же он и выглядел несколько старше.

Нина прекрасно его понимала – в нее тоже стреляли, почти год назад, вскоре после знакомства с Уордом. Это случилось в месте под названием Холлс, в горах неподалеку от Йеллоустоуна. Один из тех, кто имел непосредственное отношение к гибели родителей Уорда, попал ей в грудь, чуть ниже ключицы. Некоторое время после этого она тоже чувствовала себя очень старой, ощущая холодное дыхание смерти.

Теперь же она вообще не вполне понимала, как именно себя чувствует. Казалось странным снова вернуться в мир, заниматься своим делом. В этом было нечто нереальное, иллюзорное. И еще у нее болела голова.

Местные полицейские ходили по барам, пытаясь найти тех, кто видел Уидмара в среду вечером или раньше. Другие обшаривали Рейнорс-вуд, нагоняя страх на каждую пару, решившую, что этот вечер станет их вечером.

Монро и Нине предстояло последнее на этот день задание – допросить еще одного человека, который мог иметь отношение к случившемуся.

– Что Рейдел говорил обо мне?

– Когда?

– Сами знаете. Когда он снова вернулся к ручью и наконец перестал мешать мне думать.

– О том, что вы, похоже, внесли свой вклад в предположение о том, что убийца – вовсе не женщина. Что, с его точки зрения, несколько странно, учитывая, что вы, судя по всему, способны не раздумывая отрезать мужику яйца.

– И вы над этим посмеялись?

– Только не я, Нина.

– Вам не хуже меня известно, насколько глупо выглядит сама мысль, что это могла быть женщина.

– Женщины тоже убивают, Нина.

– Но не так.

– Думаю, всегда найдется несколько таких, кто на это способен.

– Способен – не обязательно виновен.

– На самом деле часто именно так и случается.

Разговор вскоре иссяк, и у Нины появилась возможность бросить взгляд на город, через который они проезжали. Торнтон ей не нравился, хотя она и не могла сказать почему.

Внешне городок выглядел вполне симпатично. Он находился в юго-западной части штата, в получасе езды от озера Смит-лейк и в часе от национального парка «Блю Ридж».

Шоссе из Оуэнсвилла вело прямо в небольшой торговый район. Здесь можно было съесть гамбургер, смазать машину, отдать вещи на хранение или отправить их по почте, купить газонкосилку или остановиться в типовом отеле. Можно было проехать прямо насквозь, полностью миновав старую часть города.

Но если свернуть влево на Пондероза-стрит, можно подняться на холм, мимо большой старой церкви и средней школы, к построенным в готическом стиле зданиям, расположенным за деревьями на дальнем краю лужайки.

В небольшом строении на другой стороне улицы находился детский сад. Дальше дорога вела вниз, в аккуратно обсаженный деревьями старый район – несколько улиц с кафе, ресторанами и сувенирными лавками. Все здания были не выше двух этажей, с деревянными фасадами, а усыпанные листьями тротуары вымощены красным кирпичом «елочкой».

То тут, то там ходили люди с местной газетой под мышкой. Симпатичные молодые мамы с младенцами останавливались, чтобы поболтать друг с другом. Туда-сюда раскатывал фургон курьерской службы, доставляя товары.

Через несколько кварталов магазины заканчивались, и шли обширные участки, на которых стояли деревянные дома с претензией на величие.

Чуть дальше снова начиналась сельская местность, треть города, окруженная лесом Рейнорс-вуд, тянувшаяся на несколько миль на север.

Торнтон вполне заслуженно мог быть включен в перечень «Самые очаровательные маленькие города Америки». И все-таки, хотя Нина провела здесь менее суток, он уже успел ей не понравиться.

Возможно, следовало принять во внимание тот факт, что впервые она услышала об этом городе как о месте убийства, и это накладывало на отношение к нему некоторый отпечаток – в конце концов, каким бы симпатичным ни казался город, именно здесь сошлись в смертельном противостоянии двое.

Что послужило тому причиной? Почему это случилось именно здесь? Нет ничего удивительного в том, что люди убивают друг друга в крупных городах – все знают, что на столь большой территории слишком легко встретиться двоим, никогда близко не знавшим друг друга и не связанным какими-либо моральными ограничениями. Но в маленьком городке, где все друг друга знают, – неужели ничто и никто не могли помешать злодеянию свершиться?

Нина, однако, была достаточно опытна для того, чтобы питать наивные иллюзии в отношении местного сообщества или сельских идиллий, и знала, что хотя большая часть преступлений со смертельным исходом действительно совершается в мегаполисах, небольшие города тоже вносят свою лепту в этот мрачный список.

Нет, все-таки с Торнтоном явно было что-то не так.

Уидмары жили в небольшом доме, выстроенном в стиле эпохи королевы Анны, с кирпичным крыльцом у входа. Гейл Уидмар, женщина лет пятидесяти, выглядела весьма элегантно, и ее дорогая прическа оставалась нетронутой даже после полутора суток траура. Дети были у сестры, жившей в сорока минутах езды отсюда, и Гейл собиралась к ним присоединиться, как только допрос закончится. Дорожная сумка уже стояла в коридоре. В комнатах царила странная тишина, словно дом недоумевал от того, насколько быстро все в нем поменялось.

Миссис Уидмар сидела в кресле с высокой спинкой посреди большой гостиной. Муж Гейл Лоренс – она никогда не называла его Ларри – владел сетью прачечных (второй в городе, как уже выяснила Нина) и был совладельцем преуспевающей пиццерии в исторической части города. Он также состоял в местном школьном совете. Уидмары могли позволить себе и что-нибудь подороже этого дома, но жили в этом районе, поскольку именно здесь оба родились и выросли. Вместе они прожили двадцать лет.

Как и многие, пережившие внезапную кончину близкого человека, миссис Уидмар была насторожена и напряжена. Такие люди всегда нуждаются в поддержке, но не доверяют никому на свете. Им кажется, будто все втайне думает, что если бы они лучше относились к своему супругу, то с ним не случилось бы ничего ужасного.

Пять процентов вины за любое убийство падает на самых близких родственников жертвы, и они подсознательно злятся на погибшего. Особенно за то, что теперь приходится отдуваться в одиночку, к чему они совершенно не привыкли. Трудно свыкнуться с мыслью, что убийства происходят не только в кино, а случаются по-настоящему. И теперь надо как-то жить дальше, даже если ты не имеешь никакого понятия о том, где хранятся документы на дом или кто занимается ремонтом газонокосилки.

Нелегко осознать, что между вымыслом и реальностью очень зыбкая грань. Неминуемо задумываешься: а что еще может случиться? Может, пришельцы из космоса тоже существуют? Или привидения?

Монро выяснил у миссис Уидмар, что в среду вечером ее муж пошел поужинать вместе со своим партнером, совладельцем пиццерии, и не вернулся. Поэтому в семь утра следующего дня она сообщила о его исчезновении в полицию.

Нина тем временем разглядывала фотографии на каминной полке. На них Лоренс Уидмар выглядел настолько обыкновенно, что это казалось даже несколько удивительным. Дежурная улыбка, густые волосы с проседью, средних размеров животик. Его вполне можно было представить стоящим в очереди в банке, или вносящим солидную сумму денег в поддержку школы на собрании школьного совета, или в баре, где он, придвинув ближе свой табурет, спрашивал сидящую рядом девушку, чего она хотела бы выпить. Смерть оставляет после себя столько вопросов, что подходящим кажется почти любой ответ.

– Партнер вашего мужа утверждает, что они разошлись около половины одиннадцатого, – вступила в разговор Нина. – У вас есть какие-нибудь мысли насчет того, куда Лоренс мог бы пойти потом?

– Нет, – ответила Гейл. – Хотя порой он по вечерам долго гуляет. По крайней мере, так бывало последние три или четыре года. Он считал, что таким образом поддерживает себя в форме. А в спортзалы он ходить не любил.

– Он обычно гулял в каком-то определенном месте?

– Нет. Просто по окрестностям...

– Не в Рейнорс-вуд, к примеру?

Женщина холодно посмотрела на нее.

– В последний раз он был там больше двадцати лет назад. Со мной.

– Местные полицейские убеждены, что вашего мужа убила женщина, миссис Уидмар.

Что вы на это скажете?

– То же, что и вы.

– А именно?

– Что все это чушь.

– У него никогда не было ни с кем близких отношений? Простите, что спрашиваю, но...

– Знаю. Это ваша работа. И мой ответ – как я уже отвечала каждому, кто спрашивал об этом прямо или косвенно за последние два дня, – нет.

– И у вас нет мыслей насчет того, кто мог бы захотеть с ним расправиться?

Миссис Уидмар решительно покачала головой, и на мгновение показалось, что сейчас она потеряет самообладание. Она энергично высморкалась и несколько раз моргнула, глядя в пол.

– Я любила мужа, – сказала она. – И до сих пор люблю. Он был порядочным человеком и хорошим отцом. Звучит банально, но это правда. Детям очень будет его не хватать. Но... он был просто мужчиной. Просто нормальным мужчиной.

Наконец она подняла взгляд.

– Я правда не понимаю. Кому могло понадобиться его убивать?

– Именно это мы и хотим выяснить.

– А какое отношение к этому имеет ФБР?

В разговор вмешался Монро.

– Наше внимание привлекли некоторые детали этого убийства.

Миссис Уидмар сдержанно улыбнулась.

– Что ж, напрягите ваше внимание. И найдите того, кто это сделал.

– Естественно, мы сделаем все, что в наших силах, – ответил он.

Но она обращалась не к нему.

Нина и Монро шли по улице. Солнце клонилось к горизонту, отбрасывая косые золотистые лучи.

– Что вы обо всем этом думаете?

– Мы знаем, что она не могла этого сделать, – ответила Нина. – Да и вообще, на мой взгляд, она не имеет никакого отношения к убийству. У его партнера не было никаких поводов от него избавиться?

Монро покачал головой.

– Они были старыми друзьями, и он не мог таким образом ничего приобрести, зато многое бы потерял. Похоже, он потрясен еще больше, чем жена.

– Она потрясена до глубины души, – сказала Нина. – Можете мне поверить.

Они подошли к машине. Нина ждала, пока Монро откроет дверцу, но его внимание отвлек дом на другой стороне улицы, который был меньше, чем дом Уидмаров, и явно в большей степени нуждался в ремонте. Судя по всему, он предназначался на продажу, хотя продавец, похоже, не слишком был заинтересован в результате. Наконец Монро снова повернулся к Нине.

– Уидмар вел кое-какие делишки на стороне. С одной из девушек, работавших в его заведении, и с официанткой из ресторана. Случайные связи, так сказать.

– Знаю, Рейдел мне говорил. И очевидно, некоторые из прогулок Уидмара заканчивались в барах. Но то, что его жена об этом не знала, вовсе не доказывает, что он вел некую двойную жизнь или был полным дерьмом. Мужчины определенного возраста часто заговаривают с девочками из бара. Домогательства остаются домогательствами, но человек может давать волю рукам, вовсе не будучи одним из приспешников Гитлера. Не у каждого есть моральные принципы, подобные вашим, Чарльз, и не каждый настолько умеет себя контролировать.

– Я не говорю, что Уидмар был плохим человеком. И я терпеть не могу сарказм.

– Сарказм? Ваши моральные принципы вошли в легенду.

– Нина, зачем вы бьете меня в больное место?

– Наверное, просто для развлечения.

– Не верю. У вас есть причины для всего, что бы вы ни делали. И теперь пришло время мне об этом рассказать, поскольку больше я спрашивать не стану.

– Ладно. – Она наклонила голову. – Уорд сказал мне, что все то, что мы вам сообщили, не было приобщено к делу Джессики Джонс и Кэтлин Уоллес. И что Пола снова считают лишь психопатом-одиночкой.

– Господи, Олбрич... Он хороший полицейский, но, черт побери, слишком много болтает.

– Возможно, он считал, что чем-то обязан Уорду. Надо полагать, о его братце до сих пор ни слуху ни духу? Несмотря на всю вашу вчерашнюю уверенность?

Монро покачал головой.

– Так да или нет, Чарльз?

– Нет никаких доказательств, что к убийствам Джонс и Уоллес причастен кто-то еще, и именно это вполне устраивает суд. А все разглагольствования Хопкинса насчет якобы существующего заговора серийных убийц лишь мутят воду, и ничего больше.

– Вы знаете, как они себя называют, Чарльз? «Соломенные люди».

– Я слышал то, что вы мне говорили, но не знаю, насколько это правда. И я вовсе не намерен заниматься выяснением этого вопроса.

– Если о них будет упомянуто на суде, то может стать известным, что вам заранее сообщили, где находится тело Джессики Джонс. Разве отсюда не следует причастность к ее убийству кого-то еще? Но вы ведь не хотите, чтобы этот факт всплыл на поверхность, верно?

Нина наконец заметила человека, стоявшего в саду у дома напротив, который с интересом наблюдал за ними, поливая лужайку из шланга. Она поняла, что почти кричит, и понизила слегка дрожащий голос.

– Давайте вернемся в отель, Чарльз. Хочется оказаться в каком-нибудь ничем не примечательном месте. Я уже сыта этим городом по горло.

Глава 07

Машина затормозила перед отелем «Холидей-инн» около семи часов утра. Я стоял посреди автостоянки – отчасти потому, что здесь можно было курить, не опасаясь гневных взглядов, отчасти потому, что не испытывал никакого желания встречаться с Монро. Они с Ниной вышли из машины, и к ним присоединился кто-то еще, ждавший снаружи.

Я посмотрел вслед троим, скрывшимся в вестибюле гостиницы. Третий был примерно моего роста, но чуть более крепкого телосложения. Мне вдруг показалось, будто я очутился вне собственного тела, или собственной жизни, и пытаюсь заглянуть внутрь. Ощущение было не из приятных. И оно все усиливалось, пока я ждал, наблюдая за тремя силуэтами в номере 107 на первом этаже. Когда я был моложе, то думал, что слоняться по автостоянке с пистолетом в кармане – это очень круто.

Сорок минут спустя третий вышел из гостиницы и уехал. В номере Нины остался виден лишь один ее силуэт, неподвижно застывший за занавеской.

Я вошел в отель, обогнул дальний конец стойки портье и направился по коридору. Постучав в дверь, я прождал целую минуту, прежде чем мне открыли.

Нина сняла туфли и из-за этого выглядела фута на два ниже обычного. Вид у нее был усталый и настороженный.

– Как ты узнал, в каком я отеле?

– Позвонил в полицию, сказал, что я мелкая сошка из ФБР и у меня для тебя важная посылка.

– Господи. А номер?

– Спросил у портье, – ответил я. – С безопасностью в городе дела обстоят не лучшим образом. Должен тебя предупредить, что если «Аль-Каеда» решит уничтожить Сберегательный банк Торнтон, у них это вполне может получиться.

Она даже не улыбнулась.

– Мне что, не стоило приезжать? – спросил я. – Просто я думал, что кое-кто оставил мне записку.

– Извини, – ответила она и отошла в сторону.

Я прошел мимо нее в комнату.

В гостиничных номерах, принадлежащих другим, возникает странное чувство. Если ты не сам обживал это временное пристанище, оно кажется еще более безликим и казенным. В чужом номере ощущаешь себя одиноко и бесприютно. По крайней мере, сейчас я себя чувствовал именно так.

– Нина, с тобой все в порядке?

– Все отлично, – ответила она, хотя тон ее голоса говорил об обратном. – Сегодня первый день за долгое время, который я провела во внешнем мире. Я просто не понимала, насколько привыкла к тому, как жили мы с тобой.

На столе стоял кофейник. Я налил себе чашку и уселся на предмет, который, с точки зрения неизвестного дизайнера, должен был, судя по всему, исполнять роль стула.

– И это все?

Она села на кровать, скрестив ноги.

– Возможно.

Кофе оказался не самый лучший, но я пил его как ни в чем не бывало. Нина не отрываясь смотрела в зеркало над столом.

– Расскажи, – попросил я. – Расскажи, зачем ты здесь.

– Это моя работа.

– Нет, – сказал я. – Да, это так, но ты здесь не поэтому. Монро знал, что ты поедешь с ним. Почему?

Она улыбнулась, глядя на руки.

– Я все время забываю, что ты совсем не глуп.

– Я тоже. В этом отношении очень легко ошибиться.

Она посмотрела на меня, закатила глаза и на мгновение стала прежней. Затем ее лицо снова потемнело. Нина медленно откинулась назад, легла на кровать и уставилась в потолок.

Я еще несколько минут продолжал прихлебывать кофе, пока она наконец не заговорила.

– Когда я была еще девочкой, – сказала она, – мне встретилась одна женщина.

Нина выросла в Джейнсвилле, штат Висконсин. Она была единственным ребенком в семье, и родители вполне ладили как друг с другом, так и с ней.

Как ни странно, умная и занимавшаяся спортом девочка практически не имела друзей. После школы она не ехала домой на автобусе вместе с другими детьми, а шла пешком туда, где работал ее отец, и ждала его на скамейке у входа. Потом он вез ее домой, рассказывая, как провел день, или, что бывало не слишком часто, но оттого лишь лучше запоминалось, мрачно молчал.

Когда ей исполнилось тринадцать, она наконец стала несколько более общительной, но в течение ряда лет каждый день заканчивался для нее именно таким образом. Дорога пешком из школы, а затем пара часов на скамейке, когда она либо делала домашнее задание, либо просто глядела по сторонам. Ей это нравилось, и она соглашалась на предложение посидеть в вестибюле, лишь если погода была по-настоящему холодной или сырой (а в Джейнсвилле хватало и сырости, и холодов).

Район отнюдь не считался самым спокойным, но скамейка была видна из окна отцовского кабинета, к тому же за девочкой присматривал охранник у входа. Возможно, сейчас подобного никто бы не позволил, но тогда это вполне устраивало всех.

Через дорогу среди кирпичных параллелепипедов сохранилось единственное здание Викторианской эпохи. На первом этаже располагался бар, который посещала самая разношерстная публика.

Нине очень интересно было разглядывать его посетителей. Бизнесмены в строгих костюмах приходили словно на деловую встречу, но сидели в одиночестве у окна и быстро уходили. Старики в теплых пальто, с седой щетиной на подбородках двигались медленно и задумчиво и оставались там очень надолго. Кроме того, бар посещало множество тех, кого нельзя было отнести ни к старикам, ни к бизнесменам, и трудно было понять, чем эти люди занимаются в остальное время. Возможно, спят или зарабатывают себе на очередную кружку пива.

И конечно, там бывали и женщины. Вскоре Нина начала узнавать одну из них.

Незнакомка привлекла внимание одиннадцатилетней девочки тем, что выглядела моложе и привлекательнее остальных посетительниц бара, большинство из которых, честно говоря, казались просто уродинами. У этой же были густые каштановые волосы, и одевалась она в обтягивающие джинсы и свитер без рукавов.

Во второй или третий раз женщина заметила Нину – и подмигнула ей. Мужчины тоже иногда бросали взгляды на сидящую на скамейке девочку, и тогда Нина краснела от смущения. Ей это не нравилось. Но когда ей подмигнула женщина – она просто почувствовала себя чуть более взрослой.

Они ни разу не разговаривали. Женщина никогда не переходила через дорогу и даже не махала ей рукой. Однако их взгляды пересекались раз двадцать или тридцать за последующие два года.

За это время она сильно постарела. Каждый раз, видя ее, Нина замечала необратимые перемены. Женщина прибавила в весе фунтов тридцать. Волосы стали светлыми, потом

рыжими, потом опять светлыми, а потом снова обрели некое подобие каштанового цвета, но выглядели намного хуже, чем прежде.

Единственным, что не менялось, была ее походка – она подходила к бару так, словно оказывалась здесь впервые, но слышала много хорошего об этом заведении и была уверена, что неплохо проведет время. Походка оставалась той же, даже когда стало заметно, что женщина слегка пошатывается, еще только входя в бар.

К тому времени у Нины уже больше не было особого желания ее видеть. Ей казалось, будто она наблюдает за чужой жизнью, снятой на пленку в ускоренном режиме, словно один шаг этой женщины соответствовал тысяче обычных. Однако незнакомка все равно то и дело подмигивала ей, словно говоря:

«Привет, я тебя вижу, и ты меня видишь, вот и прекрасно».

Тем временем в городе начали находить трупы.

Три тела за два года. Потом четвертое и пятое. Мертвых мужчин находили в припаркованных машинах, с огнестрельными ранами. Мужчин, которые проводили вечер в поисках дешевых и легких развлечений, а на следующее утро расставались с собственным бумажником и жизнью.

За три недели до того, как Нине исполнилось тринадцать, по подозрению в убийствах была арестована женщина. Когда Нина увидела сюжет в новостях, сидя вместе с родителями в четверг вечером, у нее отвалилась челюсть.

Это была та самая женщина.

Женщина, которая ей подмигивала.

Эта история получила немалую известность, став прелюдией к истории Эйлин Уорнос, прославившейся как убийца мужчин во Флориде несколько лет спустя. Убийцу из Джейнсвилла называли Черной Вдовой, хотя она не была ни черной, ни вдовой, ни пауком. Как выяснилось, в детстве она подвергалась унижениям со стороны как минимум двоих членов семьи. В последние годы мужчины передавали ее друг другу на вечеринках, пока она не теряла сознание, а потом продолжали заниматься этим дальше. Вряд ли стоило сомневаться, на что она была готова за одну лишь выпивку или даже лишь за обещание таковой. Однако ничто из вышеупомянутого не послужило смягчающим обстоятельством, а лишь подтверждало ее вину.

Женщина заявила, что она невиновна, и Нина ей поверила. Нина не раз видела, как она идет по улице летним вечером своей обычной пружинистой походкой. Человек, который так ходил, не мог совершить подобного. Кто-то где-то говорил неправду.

Потом стало казаться, что виновна все же она – по крайней мере, ее адвокат готов был это признать. Да, его клиентка носила оружие. Но всегда исключительно с целью самообороны. А в ситуациях, в которых она оказывалась, потерпевшие просто не оставляли ей иного выхода.

В это Нина тоже не поверила. К тому времени она жадно следила за всем, что имело отношение к данному делу. Она изучала газеты и журналы в поисках дополнительной информации, не отрываясь смотрела новости по телевидению. Едва услышав любой разговор на эту тему, в школе или на улице, она замедляла шаг, ловя каждое слово и словно губка поглощая все доступные сведения.

Месяц спустя произошел очередной эпизод, после которого дело начало походить на мыльную оперу. Женщина отказалась от своих показаний. Она снова утверждала, что полностью невиновна и никогда не видела никого из этих мужчин. Ее адвокат тоже пытался ее изнасиловать, заявила она. И судья. И вообще все пытались ее оттрахать, в прямом и переносном смысле. Каждый мужчина и каждая женщина тоже.

Только не я, думала Нина. Только не я.

– Но потом...

Нина замолчала.

Я тоже молчал, как и в течение всего ее рассказа. Когда она продолжила, голос ее звучал хрипло.

– Потом я увидела пятисекундный видеофрагмент, как она выходит из здания суда и ей помогают сесть в машину. Шел дождь, и мокрые волосы прилипли к ее лицу. Она снова потеряла в весе, но казалось, будто она потеряла разум. Она посмотрела над крышей патрульной машины прямо в камеру, и ее взгляд не оставлял сомнений.

– Сомнений в чем?

– Что это сделала она. Я уже тогда поняла, что все-таки это она их убила. Достаточно было взглянуть ей в глаза, чтобы стало ясно – это она была с ними и она их застрелила. Но вместе с тем я понимала, что она невиновна. Я знала, что, с одной стороны, она сделала это, а с другой – нет. И я пыталась понять, как так может быть. И как могло случиться так, что она больше не подмигивает.

Я на мгновение задумался.

– И что с ней стало?

– Ей дали пять лет, и восемь месяцев спустя она покончила с собой. Взяла ложку, отломила конец и воткнула себе в горло, после того как выключили свет. Говорили, что ей потребовалось часа три, чтобы умереть.

Минут пять Нина молчала. Потом я понял, что ритм ее дыхания изменился. Она заснула.

Какое-то время я смотрел на нее, потом открыл свой ноутбук и воткнул кабель в телефонную розетку. Днем у меня не было никакой возможности проверить почту, чтобы узнать, не ответил ли мне что-нибудь мой таинственный корреспондент.

Почта загружалась медленно. Пока я ждал, в голове бродили мысли об отце. Сообщения из ниоткуда напомнили мне о единственной фразе в его последней записке, оставленной внутри кресла в доме родителей в Монтане.

Когда человек умирает, после него всегда остается нечто, доказывающее, что он когда-то был жив. Банки с консервами, которые не нравятся больше никому. Неотправленная поздравительная открытка в пыльном, пожелтевшем целлофане, с выцветшей наклейкой, на которой еще видна удивительно низкая по нынешним временам цена.

Мои родители оставили немало подобного после себя, и в числе прочего я обнаружил, что меня и моего брата Пола неофициально усыновили во младенчестве, после стычки с моим настоящим отцом. Два года спустя мои родители бросили Пола на улице в Сан-Франциско, решив, что нас двоих будет лучше разлучить, и не зная, каким еще образом это можно сделать.

Организация, к которой принадлежал мой настоящий родитель, продолжала действовать тридцать лет спустя. Человек, которого я называл своим отцом, был риелтором. Он сумел выяснить, что роскошный жилой комплекс в горах около Йеллоустоуна принадлежит этим людям.

Они убили и его, и мать.

Группировка была небольшая и умело скрывалась, но при этом обладала деньгами и властью. Сейчас я знал, что они называют себя «соломенные люди». Детектив по имени Джон Зандт рассказал мне, что, по его мнению, «соломенные люди» существовали в Америке еще три с лишним тысячи лет назад, обогатившись на добыче меди в регионе Великих озер. Он утверждал, что там поселилось некое сообщество мужчин и женщин из различных частей мира, объединившееся в ненависти к набирающей силу мировой цивилизации. Более того, он считал, что они имеют непосредственное отношение к исчезновению первых поселенцев на Роаноке и древним индейским легендам о жестоких племенах бородачей, пытавшихся защитить землю, которую они считали своей.

Впрочем, я не был уверен в том, насколько Зандт тогда пребывал в здравом уме. Во мне он тоже начал сомневаться – из-за того, что я дважды не смог застрелить человека, убившего его дочь. Этим человеком был мой брат Пол.

Хотя, полагаю, собственная жизнь всегда кажется куда более сложной, чем чужая. Наконец компьютер пискнул. Пришло сообщение. Я открыл его и прочитал:

Уорд.

Это Карл Унгер. Бобби умер? Что за ЧЕРТ?

Я наткнулся на нечто странное, и оно, похоже, связано с делом, по которому Бобби звонил мне год назад. Ваше имя он тогда тоже упоминал. Это важно.

Позвоните немедленно. 07589576543.

К.

Я дважды перечитал сообщение и задумался. Имени адресата я не помнил, но это ни о чем не говорило.

Прошло несколько лет с тех пор, как я работал на ЦРУ, и вряд ли они рассылали всем новости о том, кто на ком женился и на каком месте сейчас местная софтбольная команда. К тому же у меня плохая память на имена. Для меня имя всегда кажется не имеющим прямого отношения к человеку, словно любимый пиджак, который он чаще всего надевает. Судя по письму, я должен был его знать. Однако, возможно, я знал его лишь весьма отдаленно: из текста следовало, что с Бобби он был знаком намного лучше. Особенно в этом убеждала третья фраза. Бобби Найгарда не так-то легко было убить, и мне самому было трудно поверить, что его нет в живых.

Я проверил адресную книгу Бобби, но там не обнаружилось никого по фамилии Унгер. Что опять-таки ничего не доказывало – моей фамилии там не было тоже.

Бобби был профессионалом, специализировавшимся на мониторинге компьютеров и Интернета. Кто знает, какие у него имелись способы для того, чтобы скрыть свою личную жизнь от других? Я не смог найти никаких писем от Унгера, за исключением последних, – ни по его адресу, ни по тому же имени с другого адреса. Например, с выглядящего намного официальнее домена. gov. И опять-таки это ничего не значило. Бобби, судя по всему, регулярно архивировал и очищал свой почтовый ящик. Самые ранние письма были датированы за месяц до того, как наши жизни снова пересеклись; меньше чем через неделю его уже не было в живых.

Я знал, что в те последние несколько дней Бобби звонил некоторым людям, пытаясь проверить следы, на которые мы с ним наткнулись. Быть может, Унгеру тоже. Стоило ли рисковать? И ради чего?

Если еще раз перечитать письмо с точки зрения оптимиста, вполне можно было поверить, что у этого Унгера есть какая-то полезная информация. Но «оптимист» – вовсе не то слово, которое напечатано на моей визитной карточке.

– Скажи, Бобби, – спросил я, – такой человек на самом деле есть?

Ответа не последовало. Я уже раньше пытался задавать ему вопросы, и он ни разу мне не ответил. Вот ведь упрямец. А когда был жив – у него всегда в запасе имелись советы на все случаи жизни.

Я снова открыл письмо и переписал номер к себе в мобильник. Унгеру я звонить не собирался – по крайней мере пока. Сперва следовало спросить Нину, что она по этому поводу думает. Если наши жизни оказались крепко связаны, а я на это надеялся, слово оставалось за ней.

Я проснулся от громкого стука. Кто-то со всей силы колотил в дверь. На какое-то страшное мгновение мне показалось, что это Пол, который каким-то образом выследил нас в Виргинии. Но он не стал бы стучать, тем более столь энергично.

Я с трудом оторвал тело от спинки кресла. В комнате было темно, если не считать проникавшего сквозь занавески света с автостоянки. Я посмотрел на кровать, но Нины там не

было. На часах – начало двенадцатого. Мне казалось, будто сейчас намного позже. Например, послезавтра.

Поднявшись на ноги, я увидел, что дверь в ванную закрыта и из-под нее сочится свет. Я подошел и встал за дверью.

– Нина?

– Одну минуту. Кто там стучит?

– Весьма настойчивый официант.

– Ты что, заказывал ужин?

– Нет, просто пошутил. Не обращай внимания.

В дверь снова заколотили. Пошатываясь, я подошел и заглянул в глазок, слишком поздно вспомнив все виденные мной фильмы, в которых в подобной ситуации кто-то получает пулю в глаз. К счастью, я узнал лицо по ту сторону, хотя и искаженное линзой.

– Это Монро, – сказал я, пытаюсь окончательно прийти в себя. – И не похоже, что он собирается уходить.

– Господи. Впусти его.

Я распахнул дверь, в которую тот только что собирался ударить еще раз.

– Мы не глухие, – сказал я.

Он направился мимо меня прямо в комнату.

– Что вы здесь делаете? – пробормотал он, хотя и без особого удивления.

– Я свободно прохожу сквозь стены самых роскошных номеров, – сообщил я. – Посмотрите у себя под кроватью, в вашем номере есть еще один я.

– Черт побери, вот только закончим расследование, и я вас непременно арестую.

– Принято к сведению.

Нина вышла из ванной. Я думал, что она принимает душ или вроде того, но она была полностью одета и выглядела намного собраннее, чем мне казалось. У нее всегда так получается.

– В чем дело? – спросила она. – Что-то выяснили в баре?

Монро схватил с кровати пальто Нины и подал ей.

– Кое-что посерьезнее. Обнаружился еще один труп.

Глава 08

Часы показывали лишь начало девятого, но вечеринка была в самом разгаре. Все было просто здорово, к концу подходила первая, в каком-то смысле самая лучшая часть мероприятия. Взрослые оставались дома, но Люксы всегда считались весьма приятными хозяевами. Обычно они выходили из задней двери, минут пятнадцать душевно общались со всеми, а потом уходили к себе, задернув занавески. Пока никто не устраивал пожара, они никому не мешали.

Тем временем бассейн был полон орущих парней и смеющихся девчонок, и народ танцевал под музыку какого-то типа, который смешивал мелодии на своем плеере и воспроизводил их через стоявшую возле пивного крана акустическую систему. Такое попурри многим могло бы досадить, но Брэду нравилось подобное сочетание индейских мелодий и кантри, и он мысленно желал парню всего наилучшего.

Брэд сидел в шезлонге под большим старым деревом в центре лужайки, и ему было хорошо во всех отношениях. Поначалу, правда, девчонка, с которой он спал несколько ночей назад, увидев Брэда и Карен вместе, как-то странно на них посмотрела. Но похоже, она успела нанюхаться порошка, и ей уже было чересчур весело для того, чтобы ее волновали такие проблемы.

Карен стояла возле бассейна, беседуя с подругами, которых Брэд не знал. С матерью она уже поговорила, и было решено, что за поправку ее носа родители заплатят, но сами выберут подходящего хирурга. Большинство подруг миссис Люкс в той или иной степени подвергались пластическим операциям, и она весьма неплохо разбиралась в этом вопросе – хотя, как ни странно, сама никогда не ложилась под скальпель.

Когда Карен рассказала об этом Брэду, он в первый момент ощутил легкое сожаление, как будто у него что-то отобрали. Однако две секунды спустя понял, что ему пришлось бы взять на себя ответственность и немалые расходы, а без того и без другого он вполне может обойтись.

Учитывая, что Ли вернул большую часть денег своей команде, финансовое положение Брэда намного улучшилось. Само собой, сейчас он снова находился почти на нуле, но зато на нем были новые шорты «Спатула», рубашка «Пингвин» и трусы «Кельвин Кляйн», а дома его полка пополнилась новыми компакт-дисками и видеоиграми. Он даже купил себе компьютер «Аймак», чтобы... впрочем, не важно, все равно пригодится, да и магазин был совсем рядом.

Карен повернулась, чтобы помахать Брэду рукой, и в лучах вечернего солнца блеснуло подаренное им ожерелье. Он надеялся, что чуть позже увидит, как покачивается маленькая подвеска с буквой «К».

Брэд пил пиво, слушая музыку и радуясь, что может побыть один. У него имелась куча всевозможных друзей, но иногда такие мгновения казались ему самыми лучшими.

Порой бывает, что тебе просто никто больше не нужен.

Спустя час или два он сидел по другую сторону бассейна в окружении небольшой толпы и с Карен на коленях. К вечеринке она сделала себе стрижку, и ее волосы блеснули в электрическом свете. Они просто болтали на общие темы и слушали какого-то чувака, который рассказывал, что дядя собирается дать ему денег для создания интернет-проекта по воспитанию молодежи. Брэд думал, что это, в общем-то, не такая уж и плохая идея и о чем-то таком можно было бы поразмышлять и самому. Он честно пытался думать несколько минут, лаская шею Карен, но в голову так ничего и не приходило. Может быть, потом.

Теперь он уже не так налегал на пиво, поскольку принял одну из новых таблеток, у которых не было названия: такие красные пилюли с буквой «А» – может быть, они и назывались просто «А». От них основательно ударяло в голову, но взгляд оставался ясным. По крайней мере, края предметов виделись четко, если только не слишком быстро двигать головой. И еще

казалось, будто по всему проскакивают искры. Висевшие на деревьях китайские фонарики напоминали сказочные волшебные огни. Сегодня многие пребывали под воздействием А-таблеток, оказавшихся весьма популярными. Хорошая новость для Ли, и хорошая новость для Брэда. Хорошая новость для всех.

Еще через несколько минут Брэду надоело слушать чувака с его интернет-проектами. Парень с музыкой то ли отрубился, то ли нашел себе подружку, но где-то играла негромкая плавная мелодия. Брэду она казалась знакомой, но он не был точно уверен. Люксы-старшие уже приходили и снова ушли, и вечеринка достигла той стадии, когда казалось, будто она будет длиться вечно. Самая лучшая ее часть, намного лучше, чем в начале или в середине. Брэд подумал, что, возможно, стоило бы встать и поискать какую-нибудь еду, когда вдруг увидел на другой стороне бассейна того, кого увидеть вовсе не ожидал.

Это был Ли. Брэд даже не знал, что он здесь. Ли редко бывал на вечеринках. Он всегда был очень серьезным парнем, и даже сейчас он говорил по телефону. Вокруг все смеялись и веселились от души, но Ли был мрачен и хмур, словно обсуждал биржевую сделку. Покупай дешево! Продавай дорого! В самом деле, странный тип.

Пока Брэд смотрел на него, Ли закончил разговор и несколько мгновений стоял, уставившись куда-то вдаль. Потом медленно повернул голову, словно кого-то искал. Из-за таблеток его движение показалось Брэду движением робота. Ли увидел Брэда и кивнул.

Брэд улыбнулся и кивнул в ответ. Ли, его друг.

Ли покачал головой, давая понять, что предыдущий жест не был простым приветствием, и недвусмысленно поднял палец.

Он искал именно Брэда.

– Сейчас вернусь, малышка. – Брэд поцеловал Карен в шею. – Надо поговорить с Ли.

Она спрыгнула с его колен, и он направился через толпу туда, где стоял Ли. Нога, на которой сидела Карен, затекла, и Брэд слегка хромал, обходя бассейн.

– Привет, – сказал он. – Неплохая тусовка, а?

– Ты здорово набрался?

Брэд моргнул. Разговор явно предстоял серьезный.

– Все в порядке, – ответил он. – Пара кружек пива.

– Хорошо, – кивнул Ли. – Мне нужно, чтобы ты поехал со мной.

– Ладно. Хочешь купить гамбургеров?

– Нет. Пит и Стив здесь?

– Стив – нет. Он... я не знаю, где он. Но Соня где-то тут. Кажется, я его видел.

– Я пройду вдоль бассейна, а ты загляни в дом. Посмотрим, удастся ли его найти. Встретимся в моей машине. И пойдешь умойся.

– Что случилось?

– Нам нужно кое-что сделать.

– Угу, понимаю, но – что именно?

– Брэд, давай иди.

Ли направился сквозь толпу танцующих. Брэд тряхнул головой, чтобы слегка прочистить мозги, и обнаружил, что чувствует себя вполне сносно. Он двинулся вдоль края бассейна, поглядывая по сторонам в поисках Пита и Стива, хотя был почти уверен, что Стива вообще нет на вечеринке. Пару раз он бросил взгляд в ту сторону, где оставил Карен, надеясь дать ей знак, но так и не увидел ее.

В доме было практически пусто и даже тише, чем станет через несколько часов, когда народ успокоится и будет склонен принять горизонтальное положение. Не обнаружив никаких следов ни Пита, ни Стива, он нашел дорогу к входной двери, ошибившись лишь однажды. Умыться он забыл, но чувствовал себя прекрасно.

На дорожке было полно автомобилей, включая новенький, цвета электрик «БМВ» Карен, и бродили небольшие компании молодежи. Найдя машину Ли, Брэд остановился рядом. Подождав несколько минут, он достал сигарету, но обнаружил, что забыл зажигалку возле бассейна. Черт, вот незадача.

– Не это ли ищешь?

Повернувшись, он увидел неожиданно оказавшуюся рядом Карен, протягивавшую ему зажигалку.

Он улыбнулся.

– Мой ангел милосердия. Или огня. Но в любом случае – ангел.

– Ты очень здорово говоришь. Так что случилось? Готовишься к карьере служащего парковки?

– Просто жду Ли.

Как по команде, послышался звук шагов по гравию, и, повернувшись, он увидел приближающегося к ним Худека.

– Идет, – сказал он Брэду. – Привет, Карен. Отличная вечеринка.

– Спасибо. – Карен потянулась. – Делаем все, что можем. Так куда это вы намылились, мальчишки?

– Просто прокатимся немного, – сказал Ли. – Купим чего-нибудь перекусить.

– Тут и без того еды хватает. В одном только соусе гуака-моле младенца утопить можно.

– Знаю, уже попробовал. Но у меня специфические вкусы. Кстати, тебе кто-то машет.

Обернувшись, Карен увидела работающий на холостом ходу «порше» у входной двери. Рядом стояли двое, всем своим видом показывая, что они не хотят уходить, не попрощавшись, но им действительно пора уезжать. Карен прищурилась, пытаясь понять, кто это.

– Верно, это Сара и Рэнди. Им нужно уехать пораньше. Что ж, как говорится, долг зовет. Езжай осторожнее, – сказала она.

– Как всегда, – ответил Ли. – Ты же сама знаешь.

Карен слегка смущенно улыбнулась, наклонилась и поцеловала Брэда в щеку.

– Увидимся, – сказала она и побежала к дому, разводя на ходу руки, чтобы обнять гостей на прощание.

Они подождали еще пару минут, пока не появился Соня Пит. Вид у него был довольно нетрезвый, хотя и в меньшей степени, чем можно было бы ожидать. В руках он держал большой пакет чипсов, которые старательно жевал.

– Чего стряслось, парни?

– Надо немного поработать. Поедешь с нами?

– Без вопросов, чувак. Работа для меня – закон. Сам знаешь.

– Мой человек. – Худек нажал на кнопку на брелке, и машина тихо пискнула, отпирая дверцы. – Брэд, садись вперед ко мне.

Включив на полную громкость радио, Ли выехал за ворота, а затем по извилистой дороге через ранчо, мимо других ворот, к главному въезду в жилой комплекс Фэйркрофт. Охранники помахали им вслед, даже не удостоив взглядом. Суть охраняемых комплексов заключается в том, чтобы останавливать тех, кто в них въезжает, а не тех, кто выезжает, тем более что никто в машине Ли даже отдаленно не напоминал негра.

Уверенно проехав по главной улице Санта-Барбары, Ли через десять минут свернул на шоссе 192, направляясь на север. Брэд смотрел на проносящиеся мимо огни фар, фонари и дорожные знаки. По радио слышалась песня, которая была ему знакома, но он не помнил названия. Куда больше его сейчас интересовало, что мог означать обмен фразами: «Езжай осторожнее» – «Ты сама знаешь» между Карен и Ли. Если он вообще что-то означал. И еще – зачем они едут куда-то на север?

– Эй, сделай погромче, – попросил Пит. – Это круто!

Худек прибавил громкость на задних динамиках, но уменьшил на передних.

– Ли, что случилось? – наконец спросил Брэд. – Куда мы едем?

– Эрнандес звонил, – тихо ответил Ли. – Есть срочная работа, а его люди сейчас заняты. Ему нужна пара ребят в помощь.

– И это должны быть мы? Ты что, шутишь? Ли, да ведь в последний раз, когда я видел этого ублюдка, он мне дал пистолетом по башке!

Ли кивнул, глядя в зеркало заднего вида.

– Я понимаю, о чем ты. Но это хороший знак, Брэд. Это очень важно.

– С каких это пор мы нанялись ему в услужение? Типа, вскочили и побежали, мол, сделай то, сделай это?

– Мы не можем подвести в первый же раз, когда нас попросили об услуге. Так что мы сделаем что нужно, потом поедem купим приличных гамбургеров, вернемся на вечеринку и оторвемcя по полной. Согласен?

Пит что-то рассеянно напевал в такт музыке на заднем сиденье. Брэд покачал головой, но это вовсе не означало отрицания. Он достал сигарету и закурил.

– Эй, чувак...

– Ли, пошел ты к черту. Люк открыт, и мы едем. Я чертовски хочу курить и буду курить.

Худек улыбнулся.

– Да все отлично, приятель, сходи с ума как хочешь. Мне просто нужен твой ответ – да или нет.

– Да, черт бы тебя побрал. Хотя, честно говоря, не знаю.

Худек подмигнул ему и резко свернул к обочине. Брэд поначалу перепугался, но потом понял, что у поворота стоит Эрнандес с сумкой через плечо.

– Ух ты, – сказал Пит с набитым чипсами ртом. – А он тут чего делает?

Эрнандес подошел к машине и посмотрел на заднее сиденье.

– Где еще один?

Худек не торопился отвечать. Сейчас он полностью контролировал ситуацию и при желании мог бы просто уехать, оставив этого придурка торчать на дороге.

Он выключил музыку.

– Seriously, – продолжал настаивать Пит, – на хрена мы связываемся с этой сволочью?

– Мы должны ему помочь, – сказал Ли. – Отвезти его туда, куда он попросит. Лады?

– Ну, наверное, – с сомнением пробормотал Пит.

– Вот и отлично. – Худек посмотрел на Эрнандеса и улыбнулся. – Будешь садиться или как?

Под руководством Эрнандеса Ли поехал в сторону холмов, мимо полей для гольфа и ранчо. Эту территорию он знал не слишком хорошо, поскольку ни разу не бывал здесь прежде. Они проехали через Санта-Инес, а затем направились дальше.

– Мы что, собираемся ехать до самой Невады? – Единственное, что спросил Пит.

Все остальное время они с Брэдом молча сидели сзади.

Наконец Эрнандес показал на поворот налево, где не было никаких указателей. Ли углубился на несколько миль в поросшую редким лесом местность. Какое-то время спустя они поднялись на холм, а затем начали медленно спускаться. Еще через восемьсот ярдов дорога вывела их на большую, усыпанную гравием и песком площадку, окруженную почти сливавшимися с сумерками деревьями. Вокруг не было ни души.

– Здесь?

Эрнандес кивнул.

– Когда они должны появиться? И кто они?

– Такие же, как вы, – ответил тот. – Беспокоиться не о чем.

– Тогда зачем потребовалась наша помощь?

На другой стороне площадки вспыхнули фары. Брэд почувствовал, как у него забилося сердце. Что касается Ли, то он чувствовал себя в машине с наркотиками вполне уверенно. Когда тебе привозят сумки с деньгами – это уж точно шаг в нужном направлении.

– Это они?

– Да. – Эрнандес открыл дверцу со своей стороны. – Ты, Пит, или как там тебя, остаешься в машине.

– Это еще почему?

Ли посмотрел на Эрнандеса.

– В чем дело?

Казалось странным, что он разговаривает с этим человеком как с равным себе. Странно, но не так уж и плохо.

– Вы двое не теряли духа тогда, на парковке. А этого размазню я помню лишь с заклеенным липкой лентой ртом.

– Вас было трое, а нас двое, – напомнил Пит. Голос его звучал рассерженно, что бывало довольно редко. – А теперь хотите один на один?

«Господи, ну и дурак же ты, Пит, – думал Брэд. В свете фар стоящего поодаль автомобиля появились три тени. – Меня вполне устроило бы оставаться в машине».

– Нет уж, спасибо, – сказал Эрнандес. Он повернулся к Питу и неприятно улыбнулся. – Интересно, какие у меня были бы шансы с таким, как ты?

Пит замолчал.

– Спрячься за руль, – приказал Ли. – Просто на всякий случай.

Эрнандес кивнул, открыл сумку, достал оттуда пистолет и протянул Худеку.

Брэд покачал головой.

– Зачем это нам, если мы собираемся просто...

– Брэд, заткнись.

Ли сунул пистолет сзади за штаны. Эрнандес потрогал рукой поясницу, словно проверяя, что оружие на месте. Что ж, значит, можно идти.

Трое вышли из машины. Пит перебрался на сиденье водителя.

– Поосторожнее там, – сказал он.

Эрнандес пошел первым. Ли шел чуть сзади и справа, Брэд слева.

– Привет, Эмилио, – крикнул один из стоявших у другой машины. – Кто с тобой?

– Друзья, – ответил Эрнандес. – Все в порядке.

Брэд шарил глазами по погруженным в тень лицам. Один из парней был, вероятно, его возраста и, похоже, из того же окружения. Остальные двое выглядели старше. У одного была выбрита голова. В их поведении чувствовалось нечто странное. Почему они стоят там? Обычно подобные дела совершались всегда одним и тем же образом. Ты подходишь к ним, они подходят к тебе, вы встречаетесь посередине и обмениваетесь сумками, возможно, быстро перекуриваете или перекидываетесь парой натянутых шуток, а потом расходитесь.

Почему они не идут навстречу?

Ли думал о том же самом, но, возможно, эти люди хотели показать свое превосходство, продемонстрировать, что главные здесь они. Ли полагал, что такого им никто не позволит, и оказался прав. Эрнандес остановился. Они с Брэдом тоже.

– Ладно, ребята, – сказал Эрнандес. – Вы что, застряли там или как?

Никто из них ничего не ответил, и вдруг Ли словно ударило обухом по голове.

Ни у кого из троих не было в руках сумки.

– Эрнандес... – начал он.

И тут они начали стрелять.

Без всякого предупреждения, без единого слова. Просто неожиданно выбросили вперед руки и начали выпускать пулю за пулей. Бах, бах, бах.

Ли споткнулся, пытаясь достать сзади оружие. Эрнандес оказался намного проворнее. Пистолет уже был у него в руках, и он бежал вправо, к деревьям, стреляя на ходу в сторону второй машины.

Ли увидел застывшего на мгновение Брэда и вспомнил, что у парня нет пистолета. Брэд, похоже, сперва пытался сообразить, что, черт побери, происходит, а потом бросился к левой стороне площадки.

Ли рванул пистолет, но тот застрял. Рванул еще раз, выдернул и начал стрелять.

Двое парней прыгнули сзади в машину. Третий пальнул в Эрнандеса, но промахнулся.

Ли дважды выстрелил в него, но оба раза мимо.

Затем парень развернулся и выстрелил в Брэда, который не представлял для них никакой опасности и оказался здесь лишь потому, что так велел ему Ли.

Худек увидел, как Брэд вздрогнул, споткнулся, налетел на дерево и во весь рост растянулся на земле.

Затем машина пронеслась мимо него, обдав каменной крошкой. Раздался еще один выстрел, и Ли выругался, почувствовав, как пуля просвистела рядом с его головой.

Все продолжалось секунд сорок пять, не больше. И закончилось.

Худек некоторое время стоял, чувствуя, как мир переворачивается вверх ногами.

– О черт, Брэд...

Он подбежал к краю площадки, где лицом вниз лежал Брэд, и, к своему удивлению, обнаружил, что его друг все еще шевелится и на нем нет крови. Брэд перевернулся на спину и уставился на Ли. На лице его отражалось множество чувств, но среди них не было боли.

Худек схватил его за плечи.

– Черт, я думал, они в тебя попали. Я думал, тебе конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.